

Юлия Фирсанова

Убить демиурга!

Если вокруг вас стали активно увиваться,
надо проверить, не вяжут ли?

Юлия Алексеевна Фирсанова

Убить демиурга!

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9475426

*Убить демиурга!: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-2033-9*

Аннотация

Мечтать не вредно, вредно не мечтать? Золотые слова! Скажите это молоденькой писательнице Нике, по чью душу явилось несколько серьезно настроенных мужчин с самыми недобрыми намерениями. А все из-за чего? Не надо было провокационные книжки про их маму Владычицу писать.

Сказки кончились. Похоже, противники хотят лишь одного – разделаться со злосчастным демиургом. Но все не совсем так, как кажется. Главное – не терять веры в чудеса, и тогда мир откроет новые дороги, заиграет яркими красками волшебных приключений и настоящей любви!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	51
Глава 9	57
Глава 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Юлия Фирсанова

Убить демиурга!

Моей второй доченьке посвящается!

Пролог

Литературный интерес

Он ждал на скамье в парке. Местечко укромное, даже уютное, если б кого-то не посетила блестящая идея примостить в паре метров кабинку платного туалета. Пользовались ею по назначению не часто, но характерного аромата хватало, чтобы отбить у большинства желающих охоту присесть поблизости.

Светловолосый мужчина в стильном осеннем плаще любовался медленно планирующими на гравий аллее кленовыми листьями. Тихий шорох и звонкие голоса в отдалении сплетались в фоновый шум, он почти медитировал.

– У вас не занято? – раздался тонкий голосок справа.

– Скамья – парковое имущество, – рассеянно сообщил блондин, лениво скользя взглядом по худенькой фигурке в джинсовом костюмчике и яркому пакету с принтом в виде рисованного по-детски неуклюже домика. Косое окошко строения было прозрачным.

Сочтя двусмысленный ответ за разрешение, девушка тряхнула мелированными перышками прически и бухнулась на скамью столь грациозно, что сооружение из толстых досок и чугуна ощутимо содрогнулось.

Мужчина едва заметно поморщился и застыл, как пучок петрушки, подвергнутый моментальной заморозке. Взгляд вперился в «оконце» на пакете. Столь пристальное внимание не осталось незамеченным. Девушка засияла кокетливой улыбкой и, подавшись всем телом в направлении собеседника, восторженно затрещала:

– Вы тоже Соколову любите? Я вот просто фанатею! Ее Владычица Гилиана такая классная! А какие красавчики ее любовники, мне особенно лорд-демон Ксеор нравился! А ее сыновья Эльсор, Глеану, Инзор вообще секси! Вторая книга серии «Альраханские безумства» вышла, вот, получила в заказе. Сейчас, на форуме говорят, Ника третью пишет!..

– Могу я посмотреть? – аккуратно осведомился блондин, нервно дернувшийся то ли при слове «Альрахан», то ли при упоминании безумств, и протянул руку.

Девушка охотно зашуршала ношей и, обрадованная завязавшейся беседой по интересам, выдала разрекламированный том с громким названием: «Владычица Альрахана, или Страсти по ведьме».

Книга легла в руки мужчины, никак не отреагировавшего на соприкосновение с тонкими пальчиками милой собеседницы. Серо-зеленые глаза, наполненные прозрачным светом, клещами вцепились в раскрытую страницу. Пальцы чуть заметно подрагивали, когда блондин вкрадчиво предложил:

– Моя девушка большая поклонница Соколовой, и второго тома у нее в коллекции нет. Не уступите мне книгу? Я заплачу десятикратную цену!

Мелированная кокетка чуть-чуть приуныла: симпатичный кавалер, во-первых, оказался занят, во-вторых, фанатом обожаемой писательницы не являлся. Но надколотое сердечко быстро склеил шанс на дармовое пополнение бюджета. Совершив обмен товара на деньги к обоюдному удовольствию, двое расстались куда более довольные друг другом,

чем настоящая парочка. Девушка уносила лишние две тысячи в кошельке, мужчина нечто посущественнее: информацию, которую требовалось срочно довести до сведения некой персоны.

Партия на троих

Лучшие живописцы устроили бы битву на кисточках и палитрах за право запечатлеть жанровую сценку, разыгрывающуюся в одной из комнат отдыха замка. Трое молодых мужчин сидели за треугольным столом, расчерченным для логической игры-головоломки огаэ. Фигурки из аметиста, нефрита и хрусталя неспешно переставлялись по клеточкам-сотам. Огаэ было не столько игрой, сколько поводом собраться вместе и пообщаться.

Изящный блондин с золотыми, подобно лучам солнца, свободно распущенными волосами и прохладными, как льдинки в бокале с синим соком магро, глазами распоряжался аметистовой армией. Он вел ее в бой с легкой улыбкой на устах и курительной палочкой ароматной травы в руке.

Шевелюра соперника, аккуратно сколотая на висках тяжелыми заколками, вобрала в себя массу оттенков от благородно-каштанового до пошлой рыжины. Благородная же горбинка носа была заслужена в честной драке, а не досталась по наследству от родителей. Зато глаза сияли тем самым золотом, что и локоны блондина. Игрок владел нефритовыми фигурками, но уделял положению на доске куда меньше внимания, чем вазе с россыпью орехов и конфет на низком столике рядом.

Третий – полководец хрустального воинства, мужчина с короткими волосами цвета пепла, ничего не ел, не пил и не курил. Полный кубок вина по его левую руку являлся скорее данью обычаем. Зато, судя по положению на доске и численности фигур, стриженный был недалеко от победы.

– Пепел, ты опять выигрываешь слишком быстро, – шутливо заметил блондин, впрочем, обиды в его музыкальном голосе не слышалось, лишь легкий укор.

– Прости, Лед, – без малейшего раскаяния проронил стриженный и в один ход снял с доски три аметистовые фигуры и пару нефритовых.

– Ты лучше не извиняйся, а тренируйся, пусть не проигрывать – все равно не умеешь, – но хотя бы затягивать партию, – наставительно посоветовал шатен.

– Правильно, слушай Искру! Он у нас про выгоду все знает! – с готовностью подхватил блондин Лед. – Упражняйся в тактическом отступлении!

– В следующий раз, – пообещал Пепел и сделал еще один ход, практически довершая разгром фиолетового воинства.

Игроки заулыбались этому присловью, как чему-то привычному, повторяемому не один раз.

Бдзинг! Трах! Вместе с метровой вазой тончайшего фарфора эпохи Лианона Чокнутого в уютной гостиной разбилась и приятная атмосфера, в которой велась игра.

– Развлекаетесь?! – со зловещей доброжелательностью уточнила эффектная брюнетка, гневно сверкая яркими синими очами. Прекрасный лик ее был лишен печати возраста, но не гнева. Красавица в роскошно расшитом платье, над которым сломали глаза и иглы с полсотни вышивальщиц, притопнула остроносой туфелькой.

– Да, мама, – покорно согласились все трое под аккомпанемент разлетающихся на осколки парных чаш времен Гелиора Непредсказуемого.

– А что, родина в опасности? – с вежливым вниманием, изысканно закамуфлировавшим некоторую иронию, проникновенно уточнил Лед.

– Да! – выкрикнула разъяренная женщина. – Семью Владычицы обливают грязью, а вы... вы развлекаетесь, вместо того чтобы грудью встать на защиту чести рода!

– Кого убить? – меланхолично уточнил Пепел, в серых глазах затеплился огонек интереса.

Искра, не говоря ни слова, двинулся совершать подвиг. Он приблизился к синеглазой фурии и обнял ее, поглаживая по спине.

– Не знаю, – уже спокойнее вздохнула Владычица, затихшая в объятиях сына. Воздух еще потрескивал от бурлящей силы и пах озоном, но украшавшая комнату антикварная посуда перестала жалобно позванивать, прощаясь с жизнью.

Оставив недоигранную партию, мужчины обосновались на полукруглом диване, усадив мать в середину, и приготовились слушать. Владычица обладала вспыльчивым нравом, по счастью не унаследованным в полной мере ни одним из отпрысков, однако умела оборачивать темперамент себе и государству на пользу. Когда надо, Ана сдерживала свои чувства, а порой нарочно отпускала вожди, чтобы припугнуть особо несговорчивых своим характером и буйной магией, подавляющей все иные силы на территории государства.

Плюсом то было для страны или минусом – над этим вопросом ломали копья политики, экономисты, философы и маги-теоретики не один век, впрочем, спор оставался чисто умозрительным. Пока на престоле царила династия Гиалов, награжденная или проклятая сим даром богов, ни один маг чуждой крови, будь он уроженец королевства или гость из далеких земель, не мог пользоваться волшебством любой разновидности в пределах Альрахана. Только зачарованные предметы, и только те, которые были дозволены короной.

Бокал вина, к которому так и не притронулся Пепел, и ваза с орехами, конфетами и фруктами, которыми лакомился Искра, оказались в полном распоряжении Аны, так же как и все внимание сыновей.

Владычица пригубила красное андольское и, откушав пару мелких орешков корде, поведала:

– Некая тварь получила доступ к секретной информации, касающейся семьи и государства.

– Убить? – снова повторил ращепложение Пепел, и никто из братьев не мог определить, то ли он серьезно, то ли таким нехитрым способом решил повеселить расстроенную мать.

– Позже – непременно, – согласилась Ана столь жестко, что степень вины предполагаемого преступника стала для родственников очевидна.

– Кто? – уточнил Лед по существу.

– Глеану, Эльсор, Инзор, – обратилась к сыновьям Владычица по именам вместо привычных прозвищ Лед, Пепел, Искра, ведущих начало от нрава братьев. Значит, предстоящий разговор можно было расценивать как инструкцию к заданию государственной важности. – Я не знаю. Виторо отправился на встречу с осведомителем по империи Узар в один из нейтральных миров. То, что произошло после встречи, было либо чистой случайностью, либо мастерски срежиссированной провокацией.

Тонкие, униженные перстнями пальцы Владычицы коснулись висков в тщетной попытке изгнать начинающуюся после эмоционального взрыва мигрень, и Ана продолжила:

– Местная жительница продала ему книгу под названием «Владычица Альрахана, или Страсти по ведьме» авторства некой Вероники Соколовой.

– Совпадение имен, издевательство или кто-то сливает информацию? – задался вопросом Глеану-Лед.

– Для случайного сходства в книге слишком многое совпадает, – мрачно ответила Владычица Гиляна, превращая в труху взятый из вазы орех. – Провокация? Возможно. Но если так, я не понимаю, зачем было затевать ее именно на Терроне, куда почти не заглядывают ни наши друзья, ни враги. Есть масса куда более подходящих мест, где подобные сведения вызвали бы огромный резонанс. Не потребовалось бы и специального союза.

– А эта книга... она у тебя? – осторожно, опасаясь непредсказуемой реакции Аны, уточнил Инзор.

– Вот. – Владычица простерла руку ладонью вниз, и на густо-изумрудный ковер у дивана хлопнулся подгорелый по краям томик в прежде броской обложке, на которой дама в обширном декольте призывно улыбалась сразу двум кавалерам, а на периферии красовалось некое подобие замка, спроектированного кондитером-любителем.

– Был еще первый том, Виторо купил... – с едва заметной неловкостью добавила Ана.

– Был? – Искра приподнял брови, пока Пепел, не побрезговав, подобрал и изучал обложку подгорелого образчика бульварной литературы.

– Сгорел. Целиком. Я слишком разгневалась, – пояснила Владычица, капризно надув губки.

Пепел пролистнул несколько десятков страниц, нахмурил брови, присвистнул и передал Искре, тот только глянул и вынес вердикт:

– Слив. Нужно искать крысюка. Срочно. Такие подробности не должны выходить за пределы алькова. За государственную измену кара одна – смерть на эшафоте.

– Все настолько серьезно? – Глеану доверял суждениям братьев настолько, чтобы сдерживать любопытство и не марать руки о пострадавшую от материнского негодования книгу.

– Более чем, – вытирая салфеткой измазанные в саже пальцы, сухомерно отметил Эльсор и полуприкрыл серые глаза. – Я только что узнал имя своего настоящего отца. Полномочный посланец Ставрии, лорд – демон разрушений Ксеор.

– Грех было упускать такие подходящие гены, лорд-консорт Шеолар идеально подходил в качестве ширмы, – без тени смущения, даже чуть мечтательно улыбнулась Гиλιана и тут же посерьезнела. – Но этой информации не место в открытом доступе. Найдите мне крысюка, дети, я могу послать только вас.

– А Виторо? – уточнил Инзор, немного тревожась за одного из своих – незаметных и незаменимых агентов Тайного Покрова. Почему с книгами агент отправился на аудиенцию к ее величеству, минуя шефа, альсор понимал прекрасно и не держал зла на действия через голову. Такие тайны не предназначались для его ушей, и, проведая драгоценная матушка, какие занимательные книжечки решили почитать за ее спиной, несладко пришлось бы обоим любителям секретов государственной важности.

– Цел твой любимчик. Он всего лишь позабыл кое-какие мелочи, – невинно улыбнулась Владычица, пошевелив пальчиками. Между аккуратных розовых ноготков с расписным маникюром проскользнуло с пяток синих искр.

– Спасибо, – вполне искренне поблагодарил царственную родительницу Инзор, признательный за то, что сдержала гнев и не покарала бедолагу, принесшего недобрые вести.

– Пустяки, – отмахнулась Гиλιана и, тут же сменив любезный тон на жестко-приказной, велела, сузив гневно сияющие глаза: – Отправляйтесь на Террон. Тянуть за ниточку крысюка нужно там. Даю вам карт-бланш, не скупитесь на траты, но найдите мне его.

Ни один из трех альсоров не стал возражать или рассыпаться в любезно-пустых обещаниях найти и обезвредить врагов Альрахана в рекордные сроки, не щадя живота своего. Любой цветистой болтовне Владычица предпочитала весомые результаты. Лести в ее жизни хватало и без сыновей.

Мужчины встали и отвесили Владычице три синхронных полупоклона. Ана коротко распорядилась:

– Жду вас у врат через полчаса. Глеану, за себя оставишь Неата и Келиру.

Трое еще раз поклонились матери и удалились. Времени на то, чтобы передать дела заместителям, собрать вещи и выбрать из гардеробов подходящую одежду, грозная родительница дала в обрез. Хорошо еще Искра на Терроне бывал неоднократно, да и донесения Виторо получал, потому помог братьям сориентироваться.

Недоигранная партия в огаз так и осталась на треугольном столе. Ее величество поднялась с дивана,правила длинную юбку и, постояв минутку над доской, мимолетно улыбнулась, оценивая расстановку фигур. Потом протянула пальчик к аметистовому человечку с факелом и толкнула его. Фигурка покатилась по доске и, наткнувшись на плоскую пластинку постамента нефритового всадника, неожиданно подпрыгнула и снова встала, оказавшись между фиолетовым палачом и хрустальным вельможей.

Улыбочка вылиняла с уст Аны, сменившись глубокой задумчивостью, даже тонкая морщинка на миг тронула девственный алебастр лба. Партия, похоже, складывалась не настолько простой, как представлялось Владычице.

Глава 1

Утро архивариуса

«Поэт в России больше, чем поэт, он не только архивариус, повар, уборщица, но и специалист по городскому экстриму, – с трудом выныривая из битком набитой маршрутки, мысленно ворчала Ника и утешала себя: – Ничего, вот станет осень попрохладнее, надену кожанку. Она скользит лучше, вылетать буду, как пробка из шампанского. Все равно на то, что по четвертому маршруту пустят десяток дополнительных машин, рассчитывать не приходится».

А ходить пешком на работу можно, но жалко: во-первых, драгоценный час утреннего сна, во-вторых (и даже больше, чем сон), одежду и обувь. Они, бедняжки, от такого спортивного решения хозяйки пострадают в первую очередь, потому что гордым словом «тротуар» в городе именуется любое место, по которому не ездят машины и может попробовать пройти пешеход. Почему-то для проезжей части существует ГОСТ на ямы, а для тротуара ничего подобного до сих пор не придумано или держится в столь же глубоком секрете, как код к ядерной кнопке. Неужели ремонтировать машину дорожке и сложнее, чем лечить вывихнутые ноги или иные человеческие травмы? Или тот, кто принимает законы, давно уже не ходит пешком нигде, кроме центральных проспектов?

Ника живо представила пузатого важного чиновника, пытающегося короткими перебежками и дикими скачками пробраться по битому, как после бомбежки, тротуару той же Заречной улицы, где даже в жару не просыхали особо глубокие лужи, а пласты грязи высились заградительными бастиями, и захихикала. Богатое воображение сослужило добрую службу. Настроение ощутимо улучшилось.

В дверь районного архива, притулившегося в третьем подъезде некогда красивого, а ныне среднеобшарпанного здания из красного кирпича, времен сталинской постройки, Ника вошла с улыбкой на губах. Увидев ярко-синее пальто на вешалке у входа, радостно закричала:

– Доброе утро, Марина Владимировна!

Ее единственная коллега и напарница откликнулась со второго этажа богатым, почти оперным сопрано:

– Здравствуй, Ника! Чай будешь?

– Буду! Только лучше кофе! – ответила Ника.

Бросив на вешалку свой черный с золотым позументом плащ, она шустро сменила оттоптанную ретивыми пассажирами маршрутки до серого колера черные ботильоны на туфли. Обмахнула пыльных бедняжек щеткой и птичкой взлетела по крутой деревянной лестнице вверх, в скромный кабинет. Шкаф со скрипучими дверцами, маленькая тумбочка с чайником, три стола, четыре стула (один качается), два компьютера, один принтер и кактус-великан на широком подоконнике – вот и все, что было в комнате.

Марина Владимировна Власова – все еще очень красивая, крупная женщина с зачесанными в стильный пучок пышными каштановыми волосами, массивными очками в роговой оправе и природным нежным румянцем – доброжелательно улыбнулась, приветствуя Нику.

Чмокнув коллегу, которая по возрасту годилась ей в матери, а временами вела себя как вторая родительница, в щеку, девушка на минутку юркнула в крохотный санузел, помыть руки, и снова вернулась в кабинет. Марина Владимировна, повесив на спинку стула цветастый палантин, чтоб не мешался, наливала себе чай и привычно ворчала:

– Кофе... Фе! Разве ж это кофе? Опять свою отраву из пакетиков глушить будешь!

– Отрава из пакетиков – это кокаин, – хихикнула Ника, вытаскивая из шкафа фиолетовую кружку. – А я просто люблю кофе со сливками и нажористыми ароматизаторами. Вот сейчас буду по-ирландски!

– Ох, Ника, язву заработаешь ты на своих кофейках! – цокнула языком Марина Владимировна, но полномасштабной нотации не развернула. Что толку? Все равно Соколова со всеми доводами согласится, да только поступать будет по-своему.

– А я их чем-нибудь вредным заем, и минус на минус даст плюс, – рассмеялась девушка, вытаскивая из шкафа пакет со вчерашними коврижками, все еще мягкими и источающими умопомрачительный аромат. Принюхавшись, Ника с чувством констатировала: – Здорово, что архив райпищеторга у нас хранится, а парикмахерский в Привокзальном!

Коврижки были подарком благодарной кондитерши предпенсионного возраста, получившей вожделенные справки не за четыре регламентированные недели, а в два дня. Взятые деньгами архивные работники не брали в принципе и сильно обижались при попытке дачи «барашка в бумажке». Но поскольку работали не по бюрократическим канонам: одна справка – один месяц срока, то благодарные клиенты сами осыпали расторопных дам шоколадками, конфетами и, конечно, пирожками и пирожными. Ведь очень многие из тех, кто лет тридцать назад начинал карьеру в кафе и ресторанах райпищеторга, так и оставались на сем хлебном поприще до самой пенсии.

Словом, аппетитная сдоба в шкафу у архивариусов не переводилась. Ее и выставили на стол к чаю и кофе, устраивая маленький перекус перед началом рабочего и особо трудного, потому как приемного, дня.

Вообще-то, если верить вывеске и данным районного справочника, архив принимал посетителей по вторникам и пятницам с десяти до шестнадцати с перерывом на обед с двенадцати до часу дня. Только кто ж в России верит расписаниям или тем паче следует им? Вот то-то же! Люди в архив шли косяком с понедельника по пятницу в любое время дня и, возможно, ночи. Впрочем, темную половину суток Ника и Марина Владимировна проводили дома, потому о численности отважных посетителей, не признающих правил, не ведали.

– Как твоя книжка, отправила в издательство? – прихлебывая чай, спросила Власова.

– Ага, уже сегодня утром уведомление о получении текста пришло. Если в печать возьмут, значит, на следующей недельке можно контракт ждать, – радостно ответила Ника, жмурясь от удовольствия и отщипывая от сдобы крохотный кусочек. Кофе, пирожное, любимая работа и хорошая компания – разве нужно что-то еще для удачного начала дня?

– Когда издадут, подаришь с автографом?

– Конечно! Еще и посвящение напишу! Самой лучшей из коллег! – кивнула девушка и в свою очередь, не столько для проформы, сколько с настоящим интересом к заботам старшей подруги, поинтересовалась: – А как у вас выходные прошли? Сапоги Кате купили?

– Купили, на проспекте все обувные облазили, – вздохнула Марина Владимировна, но было видно, что поход по магазинам доставил ей, как истинной женщине, удовольствие. – Перемерили пар тридцать!

Ника понимающе присвистнула, оценивая глобальность масштаба развернувшейся кампании по выбору модных, удобных и не слишком дорогих зимних сапог для дочери-студентки.

– А потом я в маленький продуктовый зашла, – понизив голос, будто собиралась поведать страшную тайну, сказала Власова и многозначительно округлила глаза. – «Бариус», я тебе про него рассказывала.

– Ага, – припомнила Ника характеристику. – Тесновато, но недорого и круглосуточно.

– Вот-вот. – Диаметр глаз коллеги еще более увеличился, а брови поползли вверх. – Я думала, со страху на месте помру! Катя-то с сапогами на улице меня ждала, соседку-подружку встретила. А я забежала. Иду среди полок с продуктами, расстояние меньше,

чем у нас в архиве между стеллажами, да еще корзинка с молоком, хлебом, макаронами... – Голос Марины Владимировны сорвался от волнения, смешанного с ужасом. – А навстречу мне идет... НЕГР!

– Да? – вежливо удивилась девушка.

– Да! – выдохнула Власова. – Идет, здоровенный, выше моего Константина, в плечах шире и улыбается. Весь черный, будто ваксой намазанный, а зубы белые, большие. Я ж и назад повернуть не могу, сзади меня уж народ двигает. А он все ближе, ближе и улыбается. Я встала, ноги чуть не отнялись, с места сдвинуться не могу, а он еще шире улыбается и говорит: «Здравствуйте. Извините!» Прижался ко мне, когда мимо протискивался. Я себя не помнила, как до кассы дошла. Валидол в сумке нашарила и под язык. Все как в тумане было! Только когда до Катюшки по улице дошла, чутко отпустило. Я теперь в тот магазин идти боюсь.

Ника закусила губу, чтобы не захихикать. Иррациональный страх Марины Владимировны перед неграми был давно известен и носил характер типичной фобии. Ничего плохого ни один негр Власовой наяву не сделал, но боялась женщина людей с черной кожей панически, до дрожи, примерно так же, как мама Ники мышей. Благо, что встречались объекты кошмаров Марины Владимировны на улицах провинциального городка не часто, а то бы несчастной и в самом деле пришлось обращаться к психотерапевту.

Умом Ника понимала, что коллегу надо жалеть, но губы сами собой расплзались в легкой полуулыбке.

– Ты надо мной смеешься! – с примесью обиды выдохнула Марина Владимировна и уткнулась носом в чашку.

– Самую малость, не сердитесь, – покаялась Ника, крутя чашку в пальцах. – Мне что негры, что китайцы, что узбеки, что евреи, что русские – никакой принципиальной разницы в восприятии нет. Люди, они и есть люди. Хорошие, плохие, всякие – это не от национальности или расы зависит. Я и раньше так думала, а теперь еще сильнее понимать стала. Когда вечером иной раз на карту мира смотрю на своей страничке на издательском сайте и вижу синие кружочки по всему земному шару, там, где меня читали, и белые огоньки тех мест, где читают сейчас, думаю, какая наша планета маленькая и мы все вместе на ней совсем близко друг к другу. Расстояние, раса, пол – это такие иллюзорные различия, если объединяет интерес к чему-то. Может, это глупо, но я теперь так думаю.

– Что, и в Африке тебя читают? – не поверила коллега.

– Ага, бывает, – улыбнулась девушка. – Мало ли кого на просторы Черного континента занесло: студентов, в России учившихся, туристов или эмигрантов. Нет, я не хвастаюсь, это я к тому, что общего у нас, людей, ничуть не меньше, чем различий, а то даже больше, и различия делают мир и людей только интереснее.

Ника еще раз улыбнулась и рассмеялась открыто и задорно.

– А теперь над чем смеешься? – уже без обиды любопытствовала Марина Владимировна.

– Подругу школьную вспомнила. У нее в предках выходцы из Африки числятся. Прабабка вообще фамилию Мавританова носила. Потому Светка к концу лета на мулатку-шоколадку становится похожа: загар, волосы выющиеся черные, глаза карие. Мы как-то по парку в сентябре гуляли, а навстречу группа чернокожих студентов. Увидали ее и загалдели: «Хау ду ю ду?» За соотечественницу, видать, приняли. Она растерялась и ответила на русском: «Нормально». Тогда уж студенты оторопели, все шли и оглядывались так, что чуть шеи не сворачивали.

– Тебя слушаешь, все весело и просто, – вздохнула Власова, уже успокаиваясь после душераздирающей повести о столкновении с кошмаром не той расцветки.

– Отсюда вывод: слушайте меня чаще, и жить будет веселее и проще! – Ника воздела кружку с остатками кофе вверх, будто провозглашала тост, и легонько стукнула по кружке сотрапезницы.

Глава 2

Десант на Террон

Портал, открытый лично ее величеством, переправил сыновей на Террон. Альсоры, укрытые пологом незаметности, который делал их экстравагантную внешность максимально привычной обывателям, перенесли в дом. Коренные жители измерения поименовали бы помещение явочной квартирой.

Особенности построения стационарных порталов из Альрахана в любой иной мир, входящий в доступный круг перемещения, были таковы, что открывались они лишь в нескольких определенных точках пространства. Там, в зависимости от степени нужности и частоты посещения мира, поступали по-разному. Либо приобретали-отстраивали недвижимость и оставляли постоянного наблюдателя-вахтера. Либо, если измерение особенной популярностью не пользовалось, точку перехода ограждали от любопытства местных жителей иными методами, вроде стационарного камня отвращения, внушающего обывателям безотчетную неприязнь.

Террон не был популярным местечком, да и вообще альраханцы лишь недавно проявили интерес к мирку. Дом для портала, без постоянного вахтера, организовали только после того, как выяснили, что измерение является местом естественного произрастания весьма ценимого и очень редко встречаемого в мирах растения: шиамены. Тогда же были налажены основные каналы получения информации, финансов, документов и проделаны иные обязательные облегчающие взаимодействие с аборигенами манипуляции, ибо магия на Терроне действовала слабо, выборочно, и одних амулетов с артефактами для бизнеса не хватало.

Наличие постоянной хорошо оборудованной точки перехода было на руку искателям истины. Не тратя лишнего времени и сил, не обращая внимания на то, что за окнами дома царствует ночная тьма, альраханцы занялись непосредственно делом.

Искре нравилось возиться с техникой разных миров, проникая в суть логических закономерностей и причуд мысли изобретателей. Потому и на Терроне альсор, заключавший контракты на поставку шиамены, освоил методы обращения с местной разновидностью компьютеров почти в совершенстве. Ибо оные были не только превосходными образчиками техники, но и одним из самых могущественных средств для сбора информации.

На предложение в качестве отправной точки поиска негодя использовать издательство «Эскуро-книги», данные коего значились на уцелевшем куске обложки, братья ответили согласием. Надо же с чего-то начинать. Хитроумному шатену хватило и часа за монитором, чтобы изучить подборку книг авторши Соколовой и выдрать из базы издательства сведения о той, кому сливал информацию неизвестный предатель. Собственно, угрозу представлял лишь «Альраханский цикл». Другие книги о похождениях какого-то вора с ручной выдрой и о парочке бродячих менестрелей интереса для альсоров не представляли. Помещенное на сайте издательства фото троика изучила со всем вниманием и ничего примечательного не нашла: молоденькая худощавая брюнетка с излишне пухлой верхней губой и внимательными серыми глазами. Всей прелести – густые волосы, из которых, впрочем, даже не потрудились соорудить пристойную прическу. Не дура, видно, но и за пешку в руках умелого манипулятора сойдет.

Телефон и домашний адрес показали, что автор Соколова проживает в соседнем городе. Таксист, которому было щедро заплачено за поездку в рассветных сумерках, доставил троицу взыскующих мести и истины в пункт N. Там трио высокородных альраханцев-мстителей приступило к непосредственным поискам.

Первые трудности возникли, когда мужчины поднялись на третий этаж кирпичной пятиэтажки, проходившей в базе данных издательства как жилье авторши. Половина лестничной клетки была отгорожена фигурной решеткой с одним общим звонком и тяжеленным замком.

Глеану надавил на кнопку. Спустя пять минут ожидания стало ясно: или звонок неисправен, или дома никого нет. Мужчины переглянулись. Можно было вскрыть дверь, среди талантов Искры числились и такие, или даже выломать ее, благо Пепел владел техникой концентрации удара, или даже воспользоваться одним из стандартных ключей-артефактов, но вопроса «А где, собственно, жертва?» это бы не решило.

Пока думали, как поступить, дверь квартиры напротив открылась, выпуская щуплую девицу с громадным мраморным догом на поводке.

– Здрасте, – машинально поздоровалась собаковладелица. Хотя, если судить по совокупности массы тела и чувства собственного достоинства, то людовладелицей стоило поименовать псину. Разглядев получше тройку симпатичных, дорого одетых визитеров противоположного пола, девушка попыталась состроить глазки всем разом, отчего едва не заработала косоглазие, и зачирикала: – А вы в пятую или шестую? Только все равно зря звоните! Они днем на работе, после семи приходят, а бабка Климовых на дачу уехала с ночевкой, только завтра будет.

«Значит, ломиться бесполезно», – уяснили гости Террона.

Собака, не дождавшись от хозяйки разумного и ожидаемого поведения, вздохнула чисто по-человечески и просто пошла вниз по лестнице. Девушку потащило на поводке, как на буксире.

Глеану подмигнул братьям и отправился за «информацией на тощих ножках». Блондину с бархатным голосом и глубоким взглядом ничего не стоило распотрошить болтливую девицу, выжав из нее максимум сведений за минимум времени.

Не прошло и пятнадцати минут, как парочка сидела в уличном кафе, пила горячий кофе с пирожными и ворковала, как закадычные друзья.

– Соколова? Да обычная девчонка, одевается неплохо, небось получает в своей администрации нехило, чиновники всегда лопатой бабло гребут, но не закинутая, Динка вон, – девушка кивнула на мирно лежащую псину, – ее любит, прям страсть. Как увидит, все обслуживать норовит.

– А вам решетка у дверей не мешает? – проникновенно уточнил Глеану.

– Нет, Гриш, не особо, – хихикнула девчонка и облизнула губки от крема, пытаясь выглядеть соблазнительно. – Когда Климовых пять лет назад грабанули, они на всю площадку предлагали решетку поставить, да моя мамка денег пожалела, а Соколовы, Ника с матерью, согласились.

– Испугались, что и их ограбят, все-таки знаменитая писательница... – многозначительно согласился Глеану.

– Кто? – распахнула глазенки девица в самом искреннем недоумении.

– Я говорю, одна знаменитая писательница как-то сказала: лучше предупредить беду, чем собирать слезу, – выкрутился мужчина, просекший: его собеседница не в курсе писательской карьеры соседки.

– А-а. – Лакомка соскребла в рот остатки крема с тарелки и, не желая выглядеть необразованной дурой, подтвердила: – Ну да-а, помню...

Спустя еще полчаса, прогуливаясь в ближайшем пыльном скверике по ковру неметеных пестрых листьев, Глеану пересказывал братьям диалог с договладелицей.

– Соколова ширма для настоящего автора? – предположил Пепел и недобро нахмурился.

– Или она не хочет афишировать свою причастность к истории? Возможно, что-то знает и уже опасается за свою шкуру? – дополнил версию брата Искра.

– Или то и другое одновременно, – заключил Глеану и махнул в воздухе бумажкой. – Это адрес администрации района, где работает Соколова.

– Общем квартиру и навестим ее? – холодно внес рацпредложение Эльсор.

Братьям мысль Пепла пришла по нраву. Глеану помудрил со своим артефактом полога незаметности, увеличивая мощностъ, и трое альраханцев, вовсе переставших привлекать внимание людей, снова вернулись к фигурной железной решетке, крашенной веселенькой голубой краской. Чтобы не оставлять следов, Искра использовал другую магическую штучку из щедрого запаса, выданного разгневанной матерью. Мужчины прошли к квартире, аккуратно защелкнув замок. Нехитрую процедуру вскрытия примитивных запоров, лишенных магической составляющей, проделали и в этот раз. Так что минуло не более пяти минут, а посланцы Владычицы Гиляны уже стояли в прихожей двухкомнатной квартирki.

Никаких признаков чуждой Террону энергии никто из взломщиков не ощутил, потому трое принялись без особых церемоний обшаривать двушку. Из обшитой деревянными планочками прихожей Эльсор угодил в девичью спальню, совмещенную с кабинетом. Кровать, кресло, ковер на полу в темно-зеленых и голубых тонах. Шторы: нежный белый тюль и темная ночная с тонким узором золотой нитью. Шкаф с зеркальной створкой занимает все пространство вдоль стены. И рабочий уголок – большой компьютерный стол: ноутбук, принтер, стопки бумаг, полки и ящики, забитые книгами, журналами и прочей неопознаваемой мужчиной всячиной. На верхней полке стояло фото в рамке – смеющаяся женщина прижимает к себе весело заливающуюся малявку в розовом пышном платье с крылышками и хохочущую худенькую девушку с растрепанными черными волосами, из которых задорно торчат заячьи уши. Девушка внешне напоминала брюнетку с фото из архива издательства и была очень похожа на женщину и ребенка. Позади троицы возвышалось какое-то странное дерево, украшенное красными шарами, подвешенными на алых бантах.

Инзор и Глеану, пока брат разглядывал спальню, обследовали остальной участок. В другой комнате, очевидно предназначенной для отдохновения, был лишь большой диван, техника для просмотра подвижных изображений, вместительный шкаф с подборкой этих самых изображений и стойка с роскошными живыми растениями в вазонах и горшках, напоминающая джунгли в миниатюре. Среди них нашелся даже огромный фигурный ящик с шиаменой, служивший обрамлением-подставкой для прочей растительности. Лед не удержался и, осторожно отщипнув листик из самой гущи, сунул в рот и, блаженно прижмурившись, разжевал. Искра неодобрительно покосился на брата, но попрекать не стал. Кусты шиамены – весьма ценимого на Альрахане и дорогого растения – считались лишь косвенной уликой. В преступном выращивании альраханского ассортимента Соколову, не являющуюся подданной короны, все равно обвинить не получилось бы.

Крохотная чистая кухня никаких записей, кроме книги с рецептами, не содержала. В ней и еды-то почти не было. Только коллекция чаев с разными добавками, кофе, соков и минеральной воды. Даже стаканов, бокалов и чашек имелось гораздо больше, чем тарелок. Складывалось впечатление, что хозяйка квартиры не столько ела, сколько пила.

– Может, она вампир? – задумался Инзор, отмечая странную жидкостную аномалию.

– Сомневаюсь, – покачал головой Глеану, приводя логичные доводы: – Плотных штор во всех помещениях нет, серебряная посуда имеется, в холодильнике чесночная паста. Странно другое.

– Мм?.. – почесал себя за ухом альсор.

– В раковине только одна чашка. В спальне одна кровать. Обувь на полке одного размера, – перечислил Лед, прошелся до ванной и резюмировал, указав пальцем на стаканчик

с единственной зубной щеткой и прислоненную к нему расческу: – Соколова живет одна. Никакой матери нет.

– Иллюзия для соседей? – предположил Искра и потянул брата в спальню, где отчего-то задерживался Пепел.

Тот, разумеется, слышал каждое их слово, пока собирал с расчески несколько застрявших в щетке волосков и прятал их в кармашек. Эльсор даже приготовил братьям объяснение. Кивком головы указав на праздничное фото девицы с ушками, альсор, раскопавший на полках пухлый фотоальбом с педантичными подписями под каждым изображением, уверенно предположил:

– Мать Соколовой вышла замуж, переехала к мужу и родила ребенка.

– Отлично, – порадовался Инзор не за неизвестную женщину, обретшую семейное счастье, а возможности спокойно заняться ловлей жертвы, вмешивая минимум посторонних.

Красавец-блондин добавил, рассматривая возможность шантажа родственными связями:

– Будет упрямиться, найти их всегда успеем.

– Женщины слабы, – заключил Эльсор.

– Скажи это маме, – хмыкнул Искра.

– Мама – Владычица, – ответил тот, как будто это все объясняло.

Что странно, остальные согласились с разумным суждением и после краткого обыска, не давшего, впрочем, ничего примечательного – наброски книг на компьютере и бумаге вполне могли быть искусной имитацией творческого процесса, ровным счетом ничего не доказывающей, – перешли к обсуждению дальнейшей стратегии.

– Устроим засаду и обождем до вечера или застанем врасплох на работе? – озвучил дилемму стратег Пепел.

Ждать, пусть даже в относительном комфорте квартиры, мужчинам не хотелось, потому компания решила прогуляться до здания администрации и поискать неуловимую писательницу Соколову там. Грозный седой вахтер стал первым препятствием.

– Вы к кому? – подозрительно сощурился старичок, выходя из-за стойки.

– Нам нужна Соколова, – обаятельно просиял Глеану, в пальцах его показалась шуршащая купюра. – Мы желали бы почтить ее визитом.

– Соколова? – озадаченно нахмурился дедок, растеряв большую часть важности в борьбе со сложной задачей по поиску запрошенной информации. – Так у нас, господа хорошие, Соколова только Татьяна Федоровна, уборщица, стало быть, ее только с утраца, до семи часов, или вечером, после восьми, застать можно. Да она ли вам надобна?

– Вероника Соколова, – уточнил Инзор, недовольно поморщившись от самостоятельности Глеану. В обольщении женщин любой расы и возраста ему не было равных, но подстраиваться под манеру общения в мирах иных братьев не считал нужным, что, по мнению Искры, могло выдать альраханцев с головой.

– Не-а, господа хорошие, у нас такой нет.

– Она нас переиграла, – весело объявил Лед.

– Пока, – тихо подчеркнул Пепел, и почему-то едва уловимая улыбка скользнула по узким губам альсора. Такая появлялась у него, когда Эльсор обдумывал интересное расположение фигур на доске.

– Как же нет? – напоказ растерялся Искра. – Нам четко сказали, что она работает в обл-совпрофе!

Дедок заулыбался, окончательно утратив всю грозность и подозрительность, и, посмеиваясь в усы, заявил:

– Эх вы, господа-товарищи, домом-то ошиблись, администрация это, а облсовпроф на три дома раньше по улице, вы ножками-то наверх поднимитесь, туда и попадете! А впредь вывески получше читайте!

– Премного благодарны. – Глеану вежливо склонил голову и попытался вложить в заскорузлую ладонь деда купюру.

– Не надоть! – категорично отказался старик, отводя руку благодетеля. – Я пенсию и зарплату получаю, подачек не надоть!

В темных глазах Пепла, который последним выходил на улицу, мелькнуло нечто похожее на уважение.

Альсоры покинули администрацию, так и не обнаружив в стенах заведения гражданку Соколову нужного возраста и имени. Потому вопрос «Что делать?» вновь встал перед аль-раханскими мстителями во всей красе. И был решен жребием. Глеану с Искрой остались сторожить квартиру авторши с утра и до упора, а Пепел отправился на прогулку по городу. Его отпустили без пререканий. Не менее, чем таланту логики, братья доверяли интуиции и педантизму Эльсора и не сомневались: он будет там, где ему быть надлежит, точно в срок.

Глава 3

Знакомство с мечтой

Сигналом к завершению чаекофепития с коврижками стал звонок снизу. Как более легкая на подъем, открывать – пусть до начала рабочего дня еще и оставалось минуты три-четыре – побежала Ника. Щелкнула задвижка, и девушка вежливо поздоровалась с перемещающейся на пороге старушкой категории «божий одуванчик»:

– Доброе утро!

– Доброе, деточка, благослови тебя Бог. Я в собес попала? – дребезжащим голосом спросила бабулечка с надеждой в подслеповатых глазах.

– Нет, в архив, а собес в этом же доме, только вход не со двора, как у нас, а с улицы, второй подъезд.

Названием «Комитет социальной защиты населения» Ника щеголять не стала, чтобы не путать и без того заплутавшую в трех соснах, то есть семи подъездах, старушку.

Бормоча благодарность за указание пути, бабушка отступила от двери с такой безнадежной оторопью на морщинистом лице, что Ника поняла: заблудится, как пить дать заблудится и еще часа два будет вокруг дома круги наворачивать. Соколова, опрокинутая на обе лопатки тандемом совесть плюс сочувствие, страдальчески вздохнула и приняла решение. Крикнув: «Марин Владимна, я на пять сек, покажу, где собес!» – девушка ухватила бабушку под хрупкий локоток и повела кратчайшей дорогой. Благо хоть переобуваться не пришлось – ради показушных летних съемок ремонта в комитете и визита губернатора качественный асфальт положили вокруг всего дома.

Бабуся резво семенила рядом, лепетала слова благодарности и все переживала, что деточка простудится.

– Ничего, не простужусь, я закаленная! – отмахнулась Ника, доставив клиентку к точке назначения за три минуты. – Вот, бабушка, собес!

– Спасибо, деточка, здоровья тебе и близким твоим, а еще жениха хорошего, красивого и богатого! – прочувствованно пожелала на прощанье облагодетельствованная старушка.

Ника нашла в себе силы вежливо улыбнуться, хотя скулы и свело горечью, будто не теплых пожеланий от всей души огребла, а лимон без цедры. Сразу вспомнился Шурик Есиноманов. Красивый: тонкий нос, брови густые вразлет, черные кудри, собранные в короткий хвост, заливчатая челка-прядка и проникновенные синие глаза. Богатый: у мамы с папой по фирме. И козел...

Когда Ника только начинала писать книги, снисходительно улыбался и подбадривал, а когда первую напечатали, тоже улыбался, но как-то кисло, и в синих глазах не теплый родной огонек, зависть тлела. Как в печать взяли третью книгу, просто исчез с горизонта, звонить, заходить перестал. Ника видела его пару месяцев назад в кафе с симпатичной, очень дорого одетой блондинкой. Та щебетала, а Шурик с самодовольной снисходительностью взирал на свое сокровище. Красивый и богатый. А, гори оно все синим пламенем! Ника мотнула головой, как лошадь, отгоняющая мух. Волосы, стянутые в длинный высокий хвост, просвистели, и сбоку, чуть позади, раздался вскрик боли.

Девушка подпрыгнула на месте и резко обернулась. Закрывая ладонью левый глаз, кривился от боли высокий, коротко стриженный блондин в дорогом плаще благородного оттенка темной стали. Его счастье, что густой хвост Никиных волос достал бедолагу уже на излете и сегодня девушка не вплетала туда никаких забавных фенечек-висюлек. Проспала, и на парикмахерские забавы времени не осталось!

– Извините, пожалуйста! – попросила прощения Ника. – Вам плохо?

– Нет, я наслаждаюсь болью, – сухо съязвила злая жертва и объявила в приказном порядке: – Мне требуется промыть глаз и приложить холодный компресс.

– Тут недалеко, пойдемте в архив, – повинно предложила девушка свою помощь.

– Зачем мне архив? – процедил сквозь зубы мужчина. – Вы бы еще контору гробовщика предложили!

– Не могу, я в архиве работаю, – постаралась объяснить Ника, начинающая подмерзать на далеко не теплом осеннем ветерке в тонкой водолазке, и поежилась. – Гробов там нет, зато имеется водопровод. Организуем и промывку, и компресс. Впрочем, могу предложить в качестве альтернативы вызов машины «скорой помощи». Через полчаса, если повезет и не будет пробок, приедет. Что выбираете?

– Пойдемте, – взвесив варианты, сквозь зубы согласилась жертва с таким видом, будто ей не помощь, а перекусить на кладбище содержимым одной из могил предложили.

В архиве, судя по бубнежу в кабинете и шелесту бумаг, уже была парочка посетителей. Ника тихо провела пострадавшего в санузел, намочила чистое полотенце холодной водой и предложила жертве.

Мужчина аккуратно приложил влажную ткань к левой стороне лица, подержал несколько секунд, а потом тряхнул головой и посмотрел на Нику. В его темно-серых цепких глазах больше не плескался гнев или досада, скорее был задумчивый и какой-то практичный, что ли, интерес.

– Вам лучше? – заботливо уточнила Ника. Все-таки едва зрения ни в чем не повинного человека не лишила.

– Да, – коротко согласился пострадавший.

– Значит, все улажено? – начала коситься в сторону рабочего кабинета девушка и переступила с ноги на ногу.

– Почти, остался лишь вопрос компенсации, – краем рта усмехнулся блондин.

– У меня денег немного, архив не алмазные прииски, – пожала плечами Ника, глаза несколько недоуменно расширились. К шантажу она не была готова и малость растерялась.

– Речь не о деньгах, – брезгливо отмахнулся мужчина, откладывая мокрое полотенце, и, спокойно переходя на «ты», потребовал: – Пообедай со мной.

– Шутите? – недоверчиво уточнила девушка, слегка прибалдевшая от такого поворота. Ника начала подозревать, что у типа в стильном плаще пострадал не глаз, а содержимое черепной коробки. Хотя прежде она никогда не слышала о столь трагичных последствиях малой травмы.

– Иногда, – поразмыслив пару-тройку секунд, согласился мужчина.

– Понятно-о, – с облегчением выдохнула Соколова. Всего лишь маленькая месть! Потерпевший решил ее наколоть и полюбоваться на оторопевшую девку в качестве моральной компенсации.

– Когда ты собираешься на трапезу? – между тем возобновил разговор блондин.

– В двенадцать, – машинально ответила Ника. В голове никак не желал укладываться тот факт, что очень симпатичный мужчина, знакомство с которым началось столь неприятно, даже не приглашает ее на свидание, а практически требует оно.

– Жду, – разом решил за себя и за девушку сероглазый стильный красавец и, ступая настолько тихо, что шагов совершенно не было слышно (еще бы, в таких-то осенних туфлях!), покинул архив.

Вопрос «За каким овощем ему это надобно?» остался невысказанным. Станные мужчины странными мужчинами, нелепые происшествия происшествиями, однако работу никто взмахом волшебной палочки на отгул не заменит. Ника встряхнулась и поспешила в кабинет, чтобы оттянуть на себя часть посетителей.

Первой подседа к девушке пухленькая толстушка предпенсионного возраста. Эдакий колобок с крутой рыжеватой завивкой, деловитый до невозможности. Она затарахтела о том, какой у нее внучок замечательный, какой самостоятельный, настоящий художник растет, умница и вообще ребенок индиго.

Ника открыла рот, закрыла, снова открыла, пыталась вклинить в темпераментный монолог любящей бабушки и выяснить-таки, что за проблема привела в архив клиентку. Ни Марина Владимировна, ни Ника на почетное звание педагогов-психологов, работающих с вундеркиндами, не претендовали. Более того, в доме по улице Менделеевской не было ни одного заведения данной направленности. Так что, с кем именно их перепутала бабушка и почему до сих пор не разобралась в собственной ошибке, девушка с ходу уяснить не могла.

– Зачем вам архив? – наконец смогла вставить Ника три слова в трескотню собеседницы.

– Так из пенсионного направили, – удивленно пояснила уходящая на пенсию дама. Она поправила крупные янтарные бусы, вытащила на свет трудовую книжку, авангардно изукрашенную насыщенно-синими мазками гуаши, и похвасталась: – Внучок постарался. Говорят, теперь подтверждение по месту работы надо, а кафе «Елочка» от райпищеторга уж лет десять как нет, сюда послали за справкой, чтоб стаж подтвердить.

– Пишите заявление, вот нужный образец, – пряча улыбку, предложила Ника.

Открыв расцветченную трудовую книжку Жуковой Анны Петровны на первой нужной странице, девушка подошла к ксероксу. Да уж, как там сказала любящая бабушка, ребенок индиго? Точно, стопроцентный индиго, оттенок мазков на трудовой сомнений в колере гения не вызывал.

Пострадавшая от детского творчества женщина водила ручкой по листу. Заявление было типовым, особых трудностей справка не представляла. В отличие от многих других бухгалтеры «Елочки» свою документацию передали на хранение в архив почти в идеальном порядке.

К примеру, работай повар Жукова в «Ромашке» или «Карусели», проблем было бы на порядок больше. Ибо бумаги из первого кафе пришли в состояние почти полной негодности после прорыва канализации. Живописные пятна коричневых и желтых оттенков делали нечитабельным две трети текста. А документы из ресторана «Карусель» оказались подвержены нашествию оголодавших грызунов, посему ныне пребывали в форме художественного кружева. Работая с этими бумагами, Ника ощущала себя археологом-криптологом, ибо для розыска нужного фрагмента записей и расшифровки требовались немалая смекалка, сноровка и трудолюбие.

До самого обеда ручеек посетителей не прерывался, наверное, он не прервался бы и в обед, коли сотрудницы остались бы на местах. Именно поэтому Марина Владимировна и Ника предпочитали обед проводить вне здания. Во-первых, дамы дышали свежим воздухом, во-вторых, не лишали себя законного, регламентированного Трудовым кодексом, перерыва и, в-третьих, не обижали отказом никого из алчущих срочной справки.

– Мы куда сегодня? – поинтересовалась Власова планами младшей коллеги, накидывая палантин на пышные волосы.

– Эм... – Ника помялась, подошла к окну и, разглядев у подъезда уже знакомую фигуру в стильном плаще, созналась: – Меня как бы пообедать пригласили. Уже ждут!

– Да ты что! – порадовалась за девушку Марина Владимировна и тоже выглянула из окна. Оценила открывшееся зрелище и выдала комментарий: – Какой мужчинка представительный! Хватай и волоки в ЗАГС!

– Марина Владимировна! – начала было возмущаться девушка.

– Шучу-шучу, беги давай, потом расскажешь, как все прошло! Если чуток с обеда запоздаешь, не страшно. Беги-беги, я закрою дверь!

Когда стук каблучков стих на лестнице, женщина тихо сказала:

– Пусть, давно пора уж, а то сама не своя девчонка с той поры, как с этим Шуриком рассталась.

Выйдя на улицу после первой встречи с писательницей, Эльсор окинул внимательным взглядом табличку у двери и едва заметно усмехнулся. Оказывается, загадка имела простое решение. Пепел опустил руку в карман за мобильным телефоном. Следовало порадовать родственников.

– Я ее нашел. Районный архив – подразделение администрации... Нет, не опасна... Но странная. Пока нет... Нет... Позже...

Отказавшись от тыловой поддержки и пообещав поделиться добытой информацией, Эльсор свернул беседу и отключился. Он никогда не проводил в мирах, подобных Террону, столько времени, как Инзор, но ориентировался в основных предметах и понятиях без труда благодаря врожденным особенностям. Вот и сейчас ему было достаточно разок пройтись по ближайшим улицам, ловя впечатления, чтобы определить, куда именно стоит отвести спутницу.

Хладнокровный, расчетливый и в то же время дополняющий общую картину мира и отдельных ее составляющих интуитивными впечатлениями, Эльсор умел видеть куда глубже, чем многие. Он прозревал не внешний контур, но суть. Возможно, именно потому кое-какие его поступки казались странными или даже необъяснимыми, однако рано или поздно их смысл становился очевиден не только для Пепла. Если же нет и кто-то сильно упрямылся, не желая принимать предлагаемый вариант, что ж, в таком случае альсор полностью оправдывал имя, данное матерью. От противника и его планов оставался лишь пепел.

Девушка, с которой столкнула Эльсора нынче утром Судьба, с неизменной покорностью выстилающая дорогу своего любимчика ковром удачи, стоило лишь ему задаться целью, была странной. На марионетку или добровольную ширму не походила, впрочем, на злодейку, очерняющую Владычицу и трезвонящую о сокровенных тайнах Альрахана из низменных побуждений, тоже. Возможно, ею двигала жажда мести, каковую девушка почитала праведной? Но полыхающего гневного зарева Пепел опять-таки не ощущал. Он вообще не мог прочувствовать и прочесть ее до конца. Девушка читалась даже хуже, чем изменчивые и многогранные, как кристаллы веора, братья. Более непостижимой для Пепла была лишь Владычица Ана, мать и повелительница. Возможно, незнакомка слишком хорошо скрывалась даже от него? Как бы то ни было, Эльсор получил в свое распоряжение загадку и был настроен поиграть в свое удовольствие. Ему редко бывало настолько интересно.

Девушка вышла из архива и несмело улыбнулась, словно не верила или... боялась? Нет, не его, однако чего-то с ним связанного. Пальцы слишком нервно дернули цепочку-ремешок сумочки. И головой она мотнула резковато, откидывая волосы с лица. Как тогда, в первый миг встречи, когда он, все просчитывающий и предугадывающий, не смог вовремя отступить, не смог просчитать этого элементарного движения.

Худая, как эльфийка, терронка была бы почти заурядна внешне, если б не живая, словно звенящий ручеек, мимика и искрящиеся светом глаза. Серые с забавными карими лучиками, они походили на срез каольсора, очень и очень дорогого камня, из которого делали украшения в соседнем с Альраханом Нидоре.

Эльсор приветствовал Нику легким намеком на кивок, невозмутимо подхватил под руку и повел в арку, выводящую на проспект.

– Зови меня Сандер, – представился Пепел, выбравший из ряда распространенных на Терроне имен наиболее подходящее.

– Ты иностранец? – удивилась девушка.

– Нет, – вполне честно ответил мужчина, вообще не принадлежавший к когорте землян.

– Понятно. – Ника пожала плечами, припоминая всякого рода лингвистические зверства, которым подвергали любящие родители своих крошек. На этом фоне иноязычное «Сандер» выглядело почти мило. – Я Вероника, если сокращать, лучше Ника.

– Учу, – принял к сведению альсор, не став допытываться, чем немилы собеседнице Верусики и Верочки.

Девушка шагала рядом, нет-нет да и бросая на спутника быстрый взгляд, словно тоже пыталась разгадать загадку.

– Я красив? – метнул провокационный вопрос, как пробный шар, Пепел, прощупывая собеседницу.

Ника, озадаченная нетипичной прямоотой, хлопнула ресницами:

– Не знаю, мне сложно ориентироваться в классических канонах и модных тенденциях. А почему ты спрашиваешь?

– Много смотришь, – равнодушно объяснил Эльсор, никогда не придававший значения собственной внешности, впрочем, никогда и не испытывавший недостатка женского внимания к своей оригинальной персоне.

– А-а, – протянула Ника, слегка покраснев, – нет, дело не в красоте. Хотя и в ней, наверное, тоже. Мне нравится рассматривать тех, кто хоть чуточку иной, выбивающихся зримо из толпы, а ты не похож на других.

– Чем? – удивился Пепел проблемам с маскировкой.

– Всем: повадкой, осанкой, речью, – принялась перечислять девушка. – Ты даже идешь так, будто все в мире принадлежит тебе, а если не принадлежит, то лишь потому, что ты этого не хочешь.

– Хм, – задумался Эльсор над точностью данного определения и приоткрыл перед Никой дверь в ресторанчик.

Заговорившаяся спутница встала на пороге, только сейчас сообразив, куда ее привели. Округлая каменная арка в красно-коричневых тонах, деревянная вывеска-щит с надписью «Лисья нора», кованые чугунные перила и не ступеньки, а пологий спуск вниз при свете декоративных фонарей той жековки, что и перила. «Лисья нора» слыла рестораном элитарным. Девушка была здесь всего пару раз, давно, а потом даже на ленч не захаживала, знала: дорого. Да и память беречь не хотелось. На мгновение Ника прикусила губу, явно колеблясь, а потом что-то решила для себя и шагнула вперед. Спустившись по коридору, пара прошла в полутемный холл ресторана, вежливая гардеробщица приняла верхнюю одежду. Номерков здесь не выдавали.

Глава 4

А в ресторане, а в ресторане

Эльсор провел спутницу в зал, к дальнему столику в одной из уютных ниш. Предупредительно отодвинул перед ней тяжелый стул и помог сесть.

Официант возник рядом почти мгновенно, весь воплощение полной готовности принять и сию минуту исполнить заказ. Как уж эти мальчики в классических тройках умели навскидку определять тех, кого требовалось обслужить немедленно, Ника не знала. Самато в число VIP-клиентов никогда не попадала. Ее свежая бледно-голубая водолазка и офисный брючный комплект густо-синего цвета с декоративной строчкой вряд ли был дороже костюма парня, подобострастно замершего за левым плечом клиента. (Юбку девушка старалась не надевать, потому что затяжки на колготках из-за лазанья по стеллажам появлялись мгновенно.) О том, сколько может стоить одежда самого Сандера, даже думать было страшно. Костюмы, сидящие так естественно, явно имели ценник с четырьмя нулями, равный гонорару за книгу.

Эльсор чуть приподнял бровь, кивая на кожаную папку с меню. Нике предоставлялось право первого заказа.

– Лапша с гренками, лосось гриль, греческий салат, полпорции, и яблочный фреш, пожалуйста, – попросила девушка, не утруждаясь доскональным изучением экзотического ассортимента. Шанс получить еду в самое ближайшее время в таком случае существенно возростал. Пусть Марина Владимировна и отпустила ей заранее грех опоздания, злоупотреблять добротой коллеги не хотелось.

– Мы не подаем полупорционных блюд. – За подчеркнутой вежливостью мальчика в костюмчике проскользнуло что-то близкое к пренебрежительной издевке.

– Это не трудно, я научу, – ласково предложила Ника. – Ваш повар делает целую порцию, а потом перекладывает половину на тарелку. В счете можете указать цену за целую, я уплачу. Если же эта схема кажется вам сложной, принесите жалобную книгу, мы оставим автографы и покинем ваше замечательное заведение с чудесным сервисом.

«Сука!» – прочитала девушка в злом взгляде перетрусившего мальчика и ответила ему аналогичным мысленным посылом: «От сучонка слышу!» Впрочем, сказал обиженный парень другое, сладко-тягучим, как оставленный на солнышке «сникерс», тоном:

– Заказ принят.

Пепел следил за разворачивающейся баталией с показным равнодушием, только в серых глазах проскальзывали искры откровенного интереса. Не ожидал он, что девочка так явно покажет зубки.

– Салат «Океан», сырная тарелка, королевский жульен, овощной гарнир, семга, запеченная с грибами и сыром... – начал перечислять Эльсор.

– Десерт желаете? – изогнулся предупредительнейшим из вопросительных знаков официант.

– Нет, – бросив взгляд на лист-перечень сладких блюд, отказался Пепел.

– Какие напитки предпочитаете? – продолжал интимным полупшепотом выпрашивать парень.

Клиент чуть помешкал и едва заметно поморщился, пытаясь выудить из имеющегося ассортимента что-нибудь относительно приемлемое по вкусу, интуиция безмолвствовала. Потому альсор любезно осведомился у Ники:

– Ты не против сухого белого вина?

– Если только немного, – кивнула девушка. – На твой вкус.

– Бургонь шардоне, – озвучил предпочтение Эльсор так, будто из всех зол мира выбирал меньшее.

– Превосходный выбор!

Официант восхитился так бурно, словно лично с пеленок воспитывал у альраханца вкус к элитному спиртному. Он рассыпался в обещаниях скорейшего исполнения заказа и исчез с горизонта, чтобы буквально спустя пять минут возникнуть с закусками. Принес даже греческий салат, из-за которого едва не разгорелся конфликт. Ровно полпорции, как и заказывали. Вино, вопреки этикетным традициям, тоже принесли сразу, вместе с соком для девушки. Но Эльсор взмахом руки отослал ретивого мальчика прочь. Сам наполнил бокалы. Альраханские застольные традиции отличались от русских, и сделать несколько глотков вина в начале трапезы считалось приемлемым.

– Ты не хотела сюда заходить, – поигрывая бокалом, не спросил, констатировал Пепел, начиная беседу, ради которой, собственно, и пригласил девушку в тихий ресторан. – Почему? Не нравится обслуживание?

– Не в этом дело, прежде такого не случалось. Неприятные воспоминания иного рода, – обтекаемо пояснила Ника, вороша вилочкой поданный салат, чтобы наколоть кусочек феты.

– Нет аппетита или ты на диете? – подкинул еще один вопрос Эльсор и получил в ответ исполненный недоумения взгляд.

– Какая диета? Здесь хорошо готовят, и я заказала достаточно, – обронила девушка и отпила глоточек вина. Сухое белое не числилось в любимых, но к сыру и рыбе подходило неплохо.

– Теперь понятно, почему ты такая тощая, – резюмировал «тактичный» сотрапезник. – Кошка и то больше съедает.

– Это смотря какая кошка, они только ночью все серы, – пошутила Ника, не обидевшись на резковатое замечание Сандера, и постаралась объяснить: – Я люблю не есть, а чувствовать вкус разной еды. Как-то само собой выходит, пока наслаждаешься ощущениями, наедаешься очень быстро. А пихать в себя пишу только для того, чтобы не оставлять на тарелке, не хочется. Аллергия на принудилровку еще с детского сада.

– Вас заставляли есть? – почему-то развеселился мужчина.

– Насильно ложку в рот, конечно, не запихивали, но были очень настойчивы в моральном давлении, – невольно улыбнулась Ника, смакуя вкус салата, не навязанного, а скорее напротив, отвоеванного в борьбе с официантом.

– Не любишь, когда на тебя давят?

– Ненавижу. Сразу встаю на дыбы, а так я белая и пушистая, просто сейчас болею, – рассмеялась брюнетка Ника.

Эльсор невольно приподнял уголки губ – такая уморительная мордашка была у девушки, и смех приятный.

– Недуг, похоже, серьезный, – глазами указал на темные волосы собеседницы Пепел.

– Клиника, – поймав одну из прядок и рассмотрев ее сосредоточенно, будто в самом деле ставила диагноз, с шутливой скорбью согласилась Ника.

– Верочка, привет, ты ли? – С середины зала к столику вальяжно шел Шурик Есиноманов, ведя в поводу очередное блондинистое длинноногое сокровище, пожирающее его восхищенным взглядом.

– Привет, – с застывшим выражением на лице приветствовала своего бывшего парня Ника.

– А я сразу и не узнал, ты что-то похудела, лапа моя, болела? – с фальшивой заботой принялся расспрашивать Шурик.

– Не твоя. И вполне здорова. Ты что-то хотел?

– О, всего лишь поинтересоваться творческими успехами. Я уж и сбился, какая по счету книга в печать выходит? – Наигранный энтузиазм у парня буквально бил через край.

– Готишно! Че, без прикола, настоящий аффтар? – очнулась от зачарованного созерцания кавалера блонди и перевела взор с чуть пониженным уровнем восхищения на Нику.

– Без базара, пешу исчо как умею, йаду не предлагать, – постаралась ответить на олбанском, как помнила, Ника и сказала Шурику: – Через месяц выходит шестая книга. Третья в серии «Альраханские хроники», но ты же не читал ни одной, зачем спрашиваешь?

– О, возможно, своей девушке захочу подарить, ты же автограф по старой дружбе начертаешь?

– Автограф? Охотно! Так и напишу: «С наилучшими пожеланиями для девушки Александра». Чтобы, случись чего, не пришлось заново переписывать, – любезно согласилась Ника, пряча язвительную улыбку в бокале с белым вином.

Тупо-обожаящий взгляд блонди стал неожиданно колким и острым. Похоже, в этой партии рыбка и рыбак в любой момент могли поменяться местами. Шурик понял, что пора заканчивать беседу, пока она не свернула в нежелательное русло.

– Договорились, – сделав вид, что не понял намека, энергично кивнул парень и, глянув на модные часы, отягощающие запястье, щелкнул языком. – Бывай, Верусик. А вы, – Шурик нарисовал на физиономии максимально сочувствующее выражение, обращаясь к Сандеру, – ее берегите! Творческие люди такие ранимые. Их капризы и жестокие выходки – ширма, за которой скрывается своенравная душа! Не каждому дано к такому привыкнуть.

Нагадив напоследок, как кошка в тапки, пакостник метнул взгляд на Сандера, пытаясь угадать произведенное своим пылким спичем впечатление.

– Люблю непредсказуемых и ярких, – заверил Шурика альсор, завладел рукой Ники и поцеловал ее с такой изысканно томной чувственностью, что девушка против воли зарумянилась до кончиков ушек.

Парень аж передернулся от завистливой неприязни и чего-то похожего на чувство неожиданно ощутимой потери. Бубня под нос, так, чтобы можно было расслышать, но нельзя истолковать как прямое оскорбление: «Ярких любит, ха! Потому что сам серый!» – Шурик торопливо потянул спутницу прочь от ниши. Блонди почти бежала на высоких каблучках-стилетах полусапожек, непрерывно оглядываясь на мужчину, который умеет *так* целовать руки.

– Давно ты бросила этого завистливого засранца? – с усмешкой поинтересовался Эльсор.

– Мы расстались с полгода назад, – сделав несколько глотков из бокала, ответила Ника и, чуточку помолчав, прибавила: – Раньше он не был таким, или я не замечала... Спасибо!

– За что? – потребовал конкретики альсор.

– За то, как изящно ты опустил его.

– Возможно, я еще больший мерзавец, чем твой бывший? – приподнял бровь Эльсор.

– Возможно, – согласилась девушка. – Но мне почему-то кажется, ты скорее убьешь, чем заставишь страдать.

– Я же серый, заурядность предпочитает простейший способ, – одними глазами улыбнулся Пепел, думая о том, что Ника не так уж не права в своих суждениях.

А вот теперь девушка рассмеялась искренне:

– Ты, Сандер, какой угодно, только не серый. Скорей уж серебристый. Знаешь, интересный эффект у вина, вроде бы и выпила чуть-чуть, а уже перед глазами дымка стоит. Странная такая! Я смотрю на тебя и вижу одно лицо, а за ним другое, от которого взгляда не оторвать. У тебя такие волосы, почти белые, мягкие, как пепел погасшего костра, и глаза цвета старого серебра.

– Это у тебя творческое воображение от пары глотков шардоне вразнос пошло, – нашел подходящее объяснение Пепел. Логического, почему девушка с Террона видит сквозь пелену, настроенную на трансляцию усредненного образа, не было. Потому альраханец попытался сменить тему: – Значит, ты настоящая писательница?

– Да какая из меня писательница, – отмахнулась Ника с поразительной беспечностью, без тени смущения или манерно-нарочитой скромности. – Образования филологического нет, всего лишь пыталась и пытаюсь, как умею, записывать истории, лезущие в голову. Вообще-то сильно удивилась, когда ими в издательстве заинтересовались и контракт предложили. Но кто я такая, чтобы отказываться?

– Если за фантазии хорошо платят, – вкрадчиво продолжил Пепел.

– Хорошо? Ну, двухмесячная зарплата разом на мелкие радости девичьей жизни лишней не бывает, – согласилась девушка, принимаясь за горячее.

Ела она без жадности, изящно, действительно не столько ела, сколько смаковала вкус блюда, жмурилась, если попадался особенно вкусный кусочек, чуть ли не с мурлыканьем подбирала соус. Глядя на нее, Эльсору захотелось обменять свою семгу с грибами на то, что сейчас с таким удовольствием ела Ника. Розовый язычок, нежные губы, лукавая улыбка, которой она нет-нет да и одаривала сотрапезника... Неожиданно нахлынула горячая волна желания, будто прорвало плотину, и Пепел, хладнокровный и терпеливый, почти равнодушный к женскому кокетству, вдруг выпалил:

– Ты поделишься со мной ночь?

Девушка подавилась. С трудом сглотнула, искры в глазах потухли, а лицо, такое живое, словно свело судорогой. Ника потянулась за сумочкой, открыла кошелек, достала оттуда деньги, положила у тарелки и, не оглядываясь, почти бегом устремилась прочь из интимного полумрака ресторана.

Эльсор в недоумении следил за странным поведением девушки. Почему она убегает? Почему в глазах столько брезгливого разочарования? Зачем она оставила деньги? Давешний официант вновь возник за левым плечом альсора:

– Подать счет?

Пепел подобрал деньги Ники, не глядя, швырнул на стол несколько крупных купюр и устремился вслед за беглянкой, надеясь выяснить причины странностей девушки. Заболела? Или испугалась? Но ведь он не собирался ее убивать или пытаться, во всяком случае, прямо сейчас.

Девушка, накинув плащ, уже открывала дверь в темный коридор-проход.

– Стой! – выкрикнул Эльсор, бросаясь следом. Он даже не вспомнил про свою одежду.

Ника не услышала или не пожелала услышать. Спроси кто Эльсора, зачем он преследовал девушку, почему стремился догнать, альсор не смог бы ответить. Двигало ли им по-прежнему желание исполнить повеление матери, сработал ли охотничий инстинкт: убегают – лови, или же Пепел банально изнывал от потребности выяснить причину резкой смены настроения беглянки. Неужели она почуяла опасность, что-то заподозрила?

Двигаться к цели оптимальным образом мужчина умел в совершенстве. На пути стремительной погони из полутемного пространства, изобилующего углами и хаотично перемещающимися людьми, он умудрился никого не сбить с ног и не нанести заведению непоправимого ущерба.

В общем и целом, с последним пунктом программы вандализма справились за него, и весьма успешно. Пепел нагнал девушку уже на выходе из сумеречной норы-коридора на свет дневной. Она немного замешкалась, привыкая к яркому солнышку, пославшему пару лучей с прицельной точностью прямо в глаза.

Этих нескольких секунд промедления альраханцу хватило, чтобы сориентироваться в обстановке, уловить тонко натянутые, готовые в следующий миг разлететься нити реаль-

ности. Сильные руки схватили Нику, рванули на себя и в сторону, с перекатом, чтобы закрыть уязвимую девушку собой.

Зачем, почему он защищает ее? – эти вопросы были посерьезнее вопроса о причине преследования, но ответов у Пепла не было и на них. Интуиция сказала «надо», тело подчинилось, не устраивая совещаний с рассудком.

Едва Эльсор прикрыл отбивающуюся девушку, как с улицы послышался могучий треск и на крыльцо «Норы» рухнуло дерево. Следом раздались звон, скрежет сминаемого металла, брызнули осколки стекла. Миг тишины – и слаженно взревела сработавшая сигнализация сразу трех машин на ближайшей стоянке.

По спине спасателя пробарабанило несколько осколков, по счастью не острых, во всяком случае, в тело ни один не вонзился. А синяки – мелочь, не стоящая внимания. Только убедившись, что бомбардировка останками стильного крыльца и двери, не выдержавшей мощной атаки зеленого друга, прекратилась, мужчина поднялся на ноги, увлекая в вертикальное положение и Нику. После чего внимательно оглядел девушку: не пострадала ли ненароком. Не считая испуга, та была цела.

Народ, вечно жаждущий хлеба и зрелищ, стал собираться вокруг деформированного до состояния полной абстракции входа. Восторженно присвистывала парочка пацанов, снимая зрелище на мобильники, вкохтала какая-то старушка, владелец «хонды» στεнал над любимицей, избитой стеклянной шрапнелью. Изнутри самого ресторана тоже мало-помалу начали подтягиваться привлеченные шумом люди. Толпа гудела, волновалась, азартно спорила о причинах происшествия и заодно честила на все корки власти города, не удосужившиеся спилить гнилое дерево.

Ника, перестав трепыхаться в объятиях, расширившимися глазами взидала на то место, где стояла недавно и где, что уж греха таить, могла остаться навсегда, не подоспей помощь в лице оскорбителя. Она бы стояла так долго, если б Эльсор, прикинув недоступность заблокированного крыльца для немедленного выхода, не потащил ее назад, в сторону раздевалки. Там альраханец прихватил с вешалки свой плащ и через служебную дверь вывел девушку напрямиком на задворки ресторана.

Шум толпы и машин с проспекта до слуха девушки доносился как сквозь вату.

– Жива, писательница? – Участливая насмешка частично вернула Нике ощущение реальности, рухнувшее после происшествия.

Вот только ответить словами сразу почему-то не получилось, язык, как подметка, присох к глотке, поэтому девушка лишь кивнула.

– Ты зачем побежала? Куда-то опаздывала? – В голосе Сандера отчетливо слышалось искреннее недоумение.

И со столь же искренним недоумением уставилась Ника на альраханца в ответ. «Неужели не понимает?» Не понимал. Натурально. Стопроцентно. Без обмана. Притворяться *так* было невозможно. Упавшее на крыльцо дерево забылось, куда интереснее было другое. Молодая писательница с давным-давно повернутыми набекрень мозгами сделала свои и, что удивительно, соответствующие реальности выводы и уверенно озвучила их:

– Ты не русский.

– Откуда такая занятная мысль? – слегка досадуя на себя, удивился Пепел. Языкового барьера благодаря амулетам при переходе возникнуть не могло, а значит, выводы Ника сделала из поведения спутника.

Он слишком привык опираться на чутье в любых действиях, реагируя в незнакомом мире на незнакомые объекты больше инстинктивно, чем руководствуясь точными данными. С Никой выбрать верную линию и предвидеть реакцию не получалось, видимо, из-за этого альраханец и попал впросак. Впечатление новое, интересное, но не особо приятное.

– Ты даже не понимаешь, что оскорбил меня предложением переспать, – ответила девушка, щеки покраснели, но говорила она твердо. – Любой русский, каким бы распальцованным кошельком на ножках или золотым мажором он ни был, понял бы причину поступка, даже если счел его глупым. У нас первое свидание не принято заканчивать в постели.

– О? А почему? – Альраханец заинтересовался повадками землянок.

– Потому что перпендикуляр, – сердито огрызнулась Ника и прыснула, когда сообразила: оскорбитель очень старательно пытается вникнуть в суть объяснения, даже слегка свел брови. Злость, досада, разочарование и мысли на тему «Чего же я такая невезучая? В кои веки кто-то понравился, и тут облом» сменились интересом, созвучным тому, что испытывал Эльсор.

– Объясню, постараюсь объяснить, но скажи, Сандер – настоящее имя?

– Нет, перевод. Я Эльсор, прозываемый Пеплом, – представился альраханец, потому что неожиданно сильно ему захотелось это сделать, как бывало всегда, когда он ловил Волну Судьбы.

– Издеваешься? – икнула от неожиданности Ника.

– Ничуть, – отвесил даме легкий полупоклон альсор. – Полагаю, теперь у тебя не осталось сомнений в том, кто я и откуда и почему не сведущ в ваших обычаях?

– Не-э-эт, если не играешь в ролевку, а про ролевки по «Альраханскому циклу» я не слыхала, то не осталось, – в состоянии странного спокойствия, родственного трансу, промолвила девушка, разглядывая Эльсора. – Надо же, ты совсем такой, как я навоображала.

– В таком случае я жду объяснений, – потребовал альсор.

– Это у вас потенциальный партнер любого пола, если он значительно более знамен, чем предполагаемая пара, спокойно делает столь бесцеремонные предложения, и никто не считает их унижительными или оскорбляющими чье-либо достоинство. У нас перед переходом к интимным отношениям считается уместным узнать друг друга получше: вкусы, пристрастия, мнения. Постель, как продолжение обеда, в большинстве случаев расценивается как фривольное поведение. Даже если кавалер занимает очень высокое положение, а его дама нет. Женщина, которой такое предложили, вправе подумать, что кавалер не уважает ее и завел знакомство с единственной целью, для которой можно снять и проститутку. Возможны, конечно, варианты, но...

– Но? – Альсор вел собеседницу в сторону архива.

– Но печальных последствий подобных экспериментов значительно больше, чем радостных историй о том, как двое нашли друг друга, жили долго и счастливо и умерли в один день. То, что достается слишком легко, как правило, совершенно не ценится, – закончила Ника, перейдя на личности. – Да к тому же я еще после расставания с Шуриком не отошла – раз. Если ты и впрямь Эльсор-Пепел, то связываться с таким опасным типом занятие для любителей жесткого экстрима – два. И, в-третьих, неужели ты познакомился со мной совершенно случайно?

– Нет, – не стал врать альсор, кажется, он смотрел куда-то в сторону, но подмечал все сказанное девушкой, каждый ее жест, интонацию и плел собственную вязь выводов и предположений. – Мы пришли на Террон, чтобы найти кое-кого. А обнаружили тебя, Пишущая про Альрахан.

– Хм, а я пошла в ресторан со случайным знакомым и обнаружила альсора из книжки, которую, как считала еще пять минут назад, придумала лично, – пожала плечами Ника. – Одномоментное обоюдное крушение устоявшихся представлений. Квиты?

– Квиты, – согласился Пепел, чуть вздрогнув от откровенности девушки. – Но ты не выглядишь сокрушенной.

– Я же пишу фэнтези, значит, допускаю, ну хотя бы гипотетически, существование всего, что только можно вообразить, пусть не здесь, а где-то, в каком-нибудь далеком уголке

Вселенной. Более того, я допускаю, что существует и все остальное, чего я даже вообразить не могу и не смогу никогда! И вообще, писать о том, во что не веришь хотя бы на чуточку, невозможно! Конечно, столкнуться с собственной выдумкой нос к носу – это шок, и, может, я даже испугаюсь, как-нибудь попозже. Сейчас я слишком возбуждена, чтобы бояться! Это так здорово, у меня будто разом границы мира, до которых рукой подать, отодвинулись в радужную дымку, и так на душе светло стало. Аж дух захватило от близости чуда!

Ника не выдержала и закружилась перед Эльсором, смеясь и пиная ногами шуршунчики пестрых кленовых листьев, щедро усеявших тротуар перед аркой. И вновь мужчина почувствовал странное сродство с состоянием спутницы. Нет, кружиться и пинать листья не стал, лишь рассмеялся от души, что в принципе было Пеплу несвойственно. Улыбка – да, усмешка – возможно, но не залихватский смех. Впрочем, никого из знакомых с повадками альсора рядом не было, а значит, и упрекнуть его в разрушении имиджа тоже никто не мог.

– Это я-то чудо? – насмешливо спросил он.

– Ты его доказательная составляющая, – хихикнула Ника и спросила: – А ты один сюда пришел?

– Нет, хочешь познакомиться с другими составляющими? – загадочным шепотом уточнил Пепел.

– Хочу, но не сейчас, обед заканчивается, на работу надо возвращаться, – от всего сердца пожалела девушка. – И отгул не возьмешь, сегодня заявлений много, нельзя все на Марину Владимировну валить, нечестно.

– Тогда я приду вечером, – охотно уступил альраханец и, сопроводив даму до подъезда, откланялся. Не забыв, впрочем, перед уходом вернуть ей «оброненные» на столе в ресторане деньги. Причем сделал это так, что настаивать на праве оплаты счета было глупо.

Часики на руке подсказывали, что обеденный перерыв завершился с четверть часа назад. Ника поспешно скинула плащ, переобулась и взлетела по лестнице в кабинет. Коллега уже обложила архивными подшивками и работала над первым из внушительной стопки заявлений. Табличка-пустографка неуклонно заполнялась данными о зарплате за пятилетку дремучей поры восьмидесятых.

Однако стоило девушке объявиться, как на нее уставились горящие предвкушением глаза. Кажется, у дамы даже румянец на щеках разгорелся ярче. Колонки с цифрами были временно позабыты, а ручка нацелена в грудь Ники, как дуло пистолета.

– Ну! Рассказывай! – выдохнула Марина Владимировна.

– Он отвел меня в «Лисью нору». Ели рыбные блюда, пили сухое белое. Шардоне. Разговаривали, – начала Ника, старательно подбирая слова. По ходу повествования приходилось отсортировывать сведения, не подлежащие разглашению, во избежание сомнений в умственной полноценности рассказчицы. Зная падкость старшей подруги на сенсации, девушка быстро нащупала несколько ярких тем, способных занять Власову вернее подробностей о таинственной личности Эльсора. – Все было тихо-мирно, пока Шурик не объявился со своей новой девицей.

Марина Владимировна, оправдывая ожидания Ники, восторженно ахнула:

– И что-о?

– Сергей его послал так вежливо, что не придерешься, и ясно дал понять, что Шурик болван, раз упустил такую девушку, как я. Никогда Есиноманова в таком бешенстве не видела! – продолжила Ника с искренним удовольствием, говоря правду и только правду, не считая имени героя. Все-таки Эльсор, Пепел или Сандер звучали слишком подозрительно и могли вызвать новую волну нежелательных расспросов, потому героя дня наскоро перекрестили в Сергея.

– Ох... – Марина Владимировна подперла щеку рукой, наслаждаясь историей. Ника в красках пересказала разговор, а закончила феерическим падением дерева на крыльцо ресторана и героическим поступком Сергея, спасшего ее из эпицентра катастрофы. – Какой мужчина!.. – мечтательно вздохнула Власова и наставительно объявила: – Значит, так, душа моя, не вздумай от такого кавалера бегать! Красивый, умный, денежный! То, что доктор прописал! Когда вы снова встречаетесь?

– Он обещал вечером зайти, – улыбнулась Ника энтузиазму коллеги, отнесшейся к зарождавшемуся роману с куда большим воодушевлением, чем она сама. Почему-то рассматривать Эльсора как реального мужчину было слишком непривычно. Это было все равно что влюбиться в портрет и вдруг понять, что изображенный на нем тип может покинуть раму и начать за тобой ухаживать.

Насладившись беседой, архивистки с новыми силами принялись за работу.

Глава 5

Настоящий кошмар

Того, что писательница Соколова ударится в бега, Эльсор не боялся. Девушка явно не подозревала об истинных кровавых намерениях прибывших на Террон гостей. А вот самому альсору следовало взять паузу в общении с Никой, поведать о подробностях братьям, обдумать свои впечатления от встречи с распространительницей сведений, порочащих честь короны, и решить вместе с родичами, как в итоге поступить с Вероникой.

Глеану и Инзор, как было оговорено, ждали Пепла на квартире писательницы. Воспользовавшись услугами такси, тот прибыл на место менее чем через четверть часа после расставания с Никой. Все это время альсор напряженно размышлял, тасуя факты, события и вероятности, и чем больше он размышлял, тем больше запутывался.

В квартиру жертвы Пепел входил с таким хмурым выражением лица, отличным от неизменной невозмутимости, что родственники, оккупировавшие гостиную Соколовой для оперативного совещания, почти встревожились и потребовали немедленных объяснений.

В ответ Эльсор описал им пошагово все встречи с Вероникой и, задумчиво закусив на мгновение губу, отметил:

– Я не почувствовал лжи в ее словах. Девушка всерьез полагала, что сама выдумывала историю про Альрахан и всего лишь пишет книги.

– Или тот, кто стоит за ней, сильнее нас, или мы не понимаем чего-то глобального, – прищелкнул пальцами Искра, почти вытянувшись на диване.

– Зачем ты ее спас? – поинтересовался из кресла Глеану. – Не хотел обрывать возможных нитей паутины?

– Не знаю, – пожал плечами Пепел. Пожалуй, мужчина выглядел почти растерянно. – Я вообще не думал ни о чем, кроме одного: она не должна погибнуть. Почему так – не пойму, но не должна. Рядом с ней мне вообще было очень сложно анализировать и разбирать детали, и еще... – Эльсор замаялся.

– Еще? – нетерпеливо подтолкнул его Инзор. Ноздри перебитого носа едва заметно подрагивали, как у собаки, напавшей на нужный след.

– Я давно не чувствовал себя так комфортно и, пожалуй, расслабленно. Даже рядом с матерью и вами, – признался Пепел.

Глеану присвистнул и мигом сменил позу, всем телом хищно-сосредоточенно подавшись в сторону брата, прохаживающегося по ковру.

– А тебя, часом, не приворожили любовным артефактом?

– Нет, – мотнул головой мужчина почти сердито, мягкие волосы взметнулись, встав ореолом, и снова опустились. – Это странное ощущение. Девушка почти не поддается просчету, и мне очень хорошо, когда она поблизости, но это не плотская страсть.

– Зачем же ты предложил ей постель? – удивленно склонил голову к плечу Искра.

– Большей частью, чтобы привязать посильнее, – пожал плечами почти удивленно – до него самого только что дошла истинная причина опрометчивого поступка – Пепел и замер у окна соляным столпом.

Присвистнул еще раз Лед и шепнул, разбирая одинокий узелок в золотом водопаде тонких волос:

– Странная девочка. Я уже хочу воочию увидеть ту, что смогла запутать нашего всезнающего и безупречного братца. Кажется, эту партию в огаэ он не выиграет в стандартные тринадцать ходов.

– Я вообще не думаю, что это огаз. Я не знаю правил этой забавы, – огрызнулся Пепел.

– Ты боиш-шься? – прошелестел Лед, поблескивая синими глазами.

– Нет, я увлечен, и именно этот азарт меня начинает пугать, – констатировал альсор, скрестив на груди руки. – Впрочем, вечером увидите ее сами, и сравним впечатления.

– Сравним, – согласились остальные. Удивительное задание, данное Владычицей-матерью, становилось все более интригующим. А уж поведение Эльсора и вовсе выходило за привычные рамки.

Выходило-выходило да и вышло начисто. Как раз когда братья начали подшучивать, обсасывая подробности встречи с писательницей Соколовой, Пепел посерел лицом от боли и, упав на ковер, принялся биться в судорогах.

Все было невозможно, неслыханно и ужасно. Сначала мужчина просто корчился в муках, так выгибаясь всем телом, что трещали кости, а потом начало твориться и вовсе несусветное. За плечами Эльсора взметнулись серые извивы не то ветра, не то пламени, ногти стали темными с серым ободком в лунке лезвиями, глаза полыхали яростными серебряными углями (и сие не иносказание). Лезвия ногтей чертили в ковре полосы, а тяжелая штора на окне оказалась располосованной из-за неловкого взмаха руки Пепла. Глеану едва успел сорвать ее, чтобы не рухнул весь карниз. Зубы во рту альсора заострились, клыки удлинились. Метаморфозы происходили быстрее, чем оплывала в жаре раскаленного горна свеча. Боль была столь дикой, что даже терпеливый Эльсор сдавленно застонал, хватанул воздух и выдавил:

– Ника.

Братья, пытавшиеся сообразить, что творится с бедолагой – настигло ли его неведомое проклятие или дал знать о себе диковинный недуг, – тут же взъярились.

– Это она с тобой сделала? – потребовали ответа от страдальца родственники.

– Не-э-эт, – простонал Пепел. По мертвенно-бледным щекам градом катился пот. Из последних сил, перед тем, как потерять сознание, прокусив губы насквозь длиннющими клыками, альсор успел шепнуть: – Она нужна...

Более ничего от обеспамятевшего альраханцы не добились. Он завернулся, как в плотный кокон, в странное подобие живого плаща из плотных прядей тумана, возникшего за спиной, и замер, прикрыв веки. Братья переглянулись, взвешивая здравость просьбы Эльсора. С одной стороны, все это могло оказаться чистой воды бредом обезумевшей от мук жертвы, и тогда его следовало срочно возвращать на Альрахан для поиска лекарства. С другой стороны, если пусть не единственным, но доступным сейчас средством исцеления владела Ника, тогда им действительно следовало отыскать ее и по доброй воле или силком приволочь к ложу больного. Пепел очень редко ошибался, а потому альсоры решили рискнуть.

– Я пойду, – объявил Глеану. – Если Эльсор прав и она видит сквозь маски, меня узнает быстрее. На Терроне не так уж много синеглазых блондинов с длинными волосами.

Искра кивнул и набрал вбитый в память мобильника номер такси. Через пятнадцать минут машина стояла у подъезда. Мелкий, насквозь прокуренный дешевым табаком плешистый мужичок ждал, привалившись к капоту.

– Куда едем, шеф? – уточнил он у заказчика.

– Районный архив, – назвал адрес Глеану. Улицу со слов брата он помнил, а вот номера дома тот не сказал. – И обратно.

– Знаю, – плюхнулся на водительское место таксист. – Залезай, домчу с ветерком.

Глеану брезгливо обследовал свободные сиденья, выбрал то, которое показалось ему почище, и тоже сел. На какие только жертвы не приходилось идти ради занемогшего брата. Плюгавый тархтел всю дорогу, как клювач-пересмешник, о качестве асфальта, о зарвавшихся рвачах – блюстителях порядка, о продажном правительстве и о бездарном пролете любимой футбольной команды во вчерашнем матче. Альсор почти не обращал внимания

на его трескотню, лишь попробовал открыть окно ради притока свежего воздуха, вдохнул бензиновую гарь и закрыл снова. Видать, Плетельщики Судеб судили нынче страдания не только Пеплу. Глеану был немного суеверен и загадал: если вытерпит и не убьет вонючего извозчика, то истинная беда минует Эльсора. Пусть будет внесена малая плата за большое избавление.

В одном вонючка не соврал: до архива они добрались за четверть местного часа. Велев извозчику обождать, Лед вошел в нужную дверь. Внутри было почти тихо, только наверху в приоткрытую на полутемную лестницу дверь лился теплый свет ламп из комнаты и вкупе с шелестом страниц доносились звуки женских голосов, обменивающихся репликами.

Глеану взлетел по ступенькам наверх и рывком распахнул дверь. Женщина в возрасте поправила на переносице очки в роговой оправе и восхищенно выдохнула:

– Вы к нам?

Глаза ее с жадностью дорвавшегося до дозы наркомана буквально пожирали каждый миллиметр тела альсора. Вторая из двух особ, находящихся в заваленном книгами и папками помещении, лишь удивленно ойкнула, прижав пальчик ко рту. Не красotka, но обаянием молодости и живостью черт внимание она привлекала.

«Которая?» – на миг озадачился альраханец проблемой выбора. Вроде бы Пепел говорил о молодой девушке, значит, та, что сидит слева. Но тогда почему они вылупились обе так, будто зрят альсора во всем блеске? Неужели испортился амулет маскировки? Впрочем, уже не важно. Отбросив пустые сомнения, Лед обратился к выбранной девушке:

– Ты должна пойти со мной, срочно!

– Зачем? – принялась задавать вопросы та, переводя впустую драгоценное время. В любом ином случае сердце Глеану не преминул бы поболтать с приятной девицей, все-таки Пепел был прав, есть в ней что-то эдакое, притягательное, но не сейчас.

– Молодой человек, а вы кто? – вынырнув из созерцательно-балдежного транса, хрипло уточнила Марина Владимировна личность красавчика с обложки модного журнала.

Глеану поморщился, вытащил из кармана розовый кристаллик, раздавил его в пальцах и сдул с ладони в сторону лишней дамы. Та открыла рот, неожиданно широко зевнула и, уронив голову на стол, мирно засопела.

– Она проспит часа три, поспешим, – велел Лед девушке. – Эльсору плохо, он зовет тебя.

– Что с ним? – В голосе Ники, как показалось альраханцу, прозвучала истинная тревога.

– Мы не знаем, это надо видеть, – проронил Глеану, уже стоя в дверях. – Так ты идешь или я приходил зря?

– Иду, – разом наплевав на спящую коллегу, на возможных посетителей и прогул, вскочила Ника. Девушка щелкнула выключателем и тумблером «пилота», вырубая свет в комнате и телефон заодно. За коллегу Соколова не волновалась, Марину Владимировну с работы обычно забирал муж, приезжавший после окончания рабочего времени где-то минут через пятнадцать. Если верить словам Глеану, ворвавшегося в ее жизнь без предупреждения вслед за братом, то примерно к этому сроку или чуть раньше Власова как раз и должна была проснуться.

Писательница и альсор вышли из здания, Ника повесила на дверь архива объявление «Санитарный день» и села в такси, сжимая сумочку так, что, будь она фруктом, полноценный стакан сока выжался бы секунд за тридцать.

Почему он сел на заднее сиденье рядом с писательницей, надменный альсор задумался только тогда, когда машина тронулась в обратный путь. Сам себе Глеану объяснил близость к Нике желанием рассмотреть дерзкую девчонку, осмелившуюся написать об Альрахане, поближе. Описывать недуг Эльсора в присутствии таксиста Лед не считал возможным, а потом и вовсе забыл о намерениях и планах, сосредоточившись на нити чудесного

аромата. Этот запах звал, как наигрыш искусного менестреля, случайно донесшийся до комнат Глеану из коридоров замка. Непонятно откуда, непонятно чей и в то же время манящий, как заклятие притяжения.

Осознание того, чьим запахом он наслаждается, как лучшим вином из погребов замка Владычицы, огрело Глеану сильнее кулака Инзора, пропущенного в спарринге. Это пахла Вероника. Нежная свежесть первоцветов, горчинка жареного ореха каой и тонкое томное послевкусие сока соаллы, не столько насыщающее, сколько пробуждающее более сильную жажду.

Альсор нашел в себе силы отвернуться к окну, вместо того чтобы сграбастать девушку на колени и вдыхать, вдыхать вожделенный аромат. Сейчас Лед понимал брата: не было нужды обладать Никой в том смысле, который вкладывает в эти слова мужчина, ему просто хотелось, чтобы она была рядом, или даже настоятельно требовалось. Ее очаровывающее присутствие следовало бы разлить по бутылкам, закупорить и хранить, чтобы употреблять тогда, когда жизнь кажется совсем уж никчемной штукой.

Машина так громохала, что Глеану счел возможным уточнить у Ники без опаски быть услышанным шофером:

– Та женщина, вместе с тобой, она тоже видела сквозь иллюзию?

– Вряд ли, – пожала плечами девушка, присмотревшись к альсору. – А то, что ты у нее бурный слюноотделительный и любовательный рефлекс вызвал, так и облика-маскировки достаточно. Не часто в наш архив одетые с иголочки синеглазые блондины забредают.

– Хм, – невольно приосанился Лед, ценивший свою внешность как средство воздействия на окружающих, и тут же поморщился, когда машина заскакала по ухабам переулка.

– Приехали, с тебя две сотки, приятель, – оповестил клиента таксист, притормаживая напротив подъезда.

Лед, не глядя, кинул пару нужных купюр, ничего не присовокупив вонючему грязнуле на чай. Не заслужил! Тот в отместку так газанул с места, что оставил пассажиров в клубах противного дыма. Спасаясь от газовой атаки, почти бегом двое устремились к подъезду. Как раз в этот момент створка распахнулась, занудно запикал домофон. Соседка по этажу выходила из дома, помахивая пустой сумкой из-под картошки и ключом от подвала. Только тут до Ники дошла очевидная истина: ее привезли к ней же домой. Два похожих дома в городе отыскать можно легко, двух молоденьких крашенных блондинок тоже, но такую куртку, какую сотворила из вполне заурядной вещи с помощью люрекса, пайеток и лака для ногтей Даша, – нереально.

– О, вы ее нашли! – разулыбалась догловладелица и приостановилась, явно настроенная поболтать.

– Привет, – успела сказать Ника соседке, а Глеану даже не замедлил движения, только цепко прихватил спутницу за запястье и поволок дальше с настойчивостью мощного буксира. Раздраженный взгляд альраханца подсказал девушке: или она идет сама и быстро, или ее быстро-быстро несут, но неприкосновенности упрямого тела при переноске не гарантируют. Искушение проверить, каково это, когда тебя на руках волокут выдуманные и оказавшиеся реально существующими альсоры, у Ники прошло в мгновение ока. Она побежала за мужчиной.

– А лифт не работает... Опять! – выкрикнула вслед паре разочарованная соседка.

– Не опять, а снова, – машинально огрызнулась Ника и начала восхождение. Пока шли, уточнила лишь один момент: – Как вы попали в мою квартиру?

– Инзор узнал адрес, – объяснил Глеану.

– Угу, а замки на дверях никакой роли не сыграли, – хмыкнула девушка, неприятно пораженная бесцеремонностью незваных и неожиданных гостей.

– Замки – это только замки. Мы должны были знать, – немногословно и не слишком любезно, что было на него не похоже, бросил Глеану.

Сейчас для мужчины главными были здоровье и жизнь брата, а не утешение оскорбленной взломом родной хатки Ники – той самой особы, что навлекла на себя гнев Владычицы провокационными письменами. Как бы завлекательно девушка ни пахла, она все еще оставалась под глубоким подозрением касательно своего творчества и неожиданной болезни Эльсора. Прежде, на памяти Льда, брат никогда не болел, разве что в детстве, подхватив трехдневную моровку – редчайший недуг, укладывающий на погост любого именно в этот срок и не излечимый магией. Но Пепел переболел и встал на ноги вопреки безнадежным вздохам докторов и бессильной ярости успевшей проститься с сыном матери.

– Чувствую себя как во сне, – пробормотала себе под нос Ника, открывая замок на решетчатой двери. – Дичь!..

– Сейчас ты поймешь, что это кошмар, – мрачно пообещал Глеану, буквально вталкивая девушку в незапертую дверь квартиры. Не дав труда разуться ни хозяйке дома, ни себе, он поволок Нику до комнаты с диваном, где на располосованном ковре, рядом с ключьями разодранной шторы лежал Эльсор. Искра бдительным стражем сидел на корточках около брата, стараясь не пропустить ни малейших изменений в его состоянии. Только никаких изменений не было.

Шатен поднял взгляд на прибывших, особое внимание уделил осмотру Ники и отвел взгляд. То ли обнаружив нужное, то ли поняв тщетность поисков. Впрочем, и сама девушка на Искру смотрела всего несколько секунд. Без того было ясно: если по ее душу пришли три сына Владычицы и с двумя она успела познакомиться, то третий, без сомнения, и есть Инзор. Представление о его внешности идеально совпадало с оригиналом.

Охнув, писательница присела по другую сторону от серого свертка, сохраняющего очертания мужской фигуры. Погром в комнате и поднимающееся в груди праведное возмущение беспорядком, который сотворили всего за день вторженцы из ею же сочиненной сказки, отошли на второй план.

Загадочный недуг обаятельного и надежного, вставшего на ее защиту альсора Пепла действительно был важнее тряпок. Закусив губу, Ника осторожно коснулась линии плеча мужчины кончиками пальцев. Несколько лент серого материала, нежного, как шелк, и в то же время прочного, обвили ее руку до плеча, будто ощупывая, и опали, втягиваясь в общий кокон.

– Мы не знаем, что это за болезнь. У вас встречается нечто подобное? – печально уточнил Искра.

Он не читал людей и состояний, не предвидел события, вылавливая из потоков вероятности наиудачнейшую, но он умел чувствовать ложь в любых ее проявлениях и делать выводы. Поза, вздох, взгляд девушки не лгали, она действительно печалилась об Эльсоре и не знала, что случилось с альраханцем. Странного поведения оболочки, окружившей Пепла, она не испугалась, однако больше щупать мужчину не спешила. Ника помотала головой и растерянно призналась:

– Нет, у нас такое только с насекомыми для перехода в стадию имаго случается.

– Имаго? – наморщил лоб Искра, перебирая в памяти информацию о зоологии Террона.

– Ну да, как из куколки получается бабочка, – машинально объяснила девушка, некогда в школьную пору интересовавшаяся чешуекрылыми.

– Мой брат становится бабочкой? – нервно скривился Глеану, тряхнув золотым водопадом спутанных волос, синие глаза рассыпали гневные искры, руки сжались в кулаки. – Ты это хочешь сказать?

– Я не знаю. – Ника подняла растерянный взгляд на взбешенного альраханца. – В реальной жизни с живыми людьми такого никогда не случалось.

– А если бы ты писала книгу? – метнул провокационный вопрос Искра.

– Я не... это... – забормотала запутавшаяся Ника, – Инзор, я не...

– И все же? – продолжил докапываться альсор, вцепившись в идею, как пес в хрящевую кость. Он подался вперед, положил руки на плечи девушке и наклонил голову, поймав ее взгляд своим, утягивая в золотую глубину, заставлял нырнуть в глубокий-глубокий омут, опасный и манящий неизведанными тайнами.

Волнение разом оставило Искру, сменяясь интересом исследователя. Он чувствовал себя так, будто и сам заодно с братьями шагнул из настоящего, рационального и привычного мира, существующего по нерушимым законам, на страницы авантюрного романа. А творила его здесь и сейчас эта забавная девчушка. Альсор не видел в ней врага, как ни пытался, да в общем-то даже и не пытался.

Он догадался, кто такая Вероника Соколова. Некогда Инзор читал в одном старинном фолианте из личной библиотеки Хранителя Историй Альрахана о Видящих Сквозь Миры. Этот странный и редкий дар мог быть и благословением, и проклятием. Его обладатели в сознании своем зрили людей и события, те, что случались в некоем далеком мире, видели так же просто, как смотрели в окно. Не понимали, что видят, считали свои видения следствием разыгравшейся фантазии, происками темных демонов или подарком светлых сил. В редчайших случаях, когда Видящий встречал кого-то из своих видений во плоти, он мог даже сойти с ума от потрясения. Ника, вероятно, отличалась чрезвычайно устойчивой психикой, коли восприняла явление выдумки как норму.

Между Эльсором и девушкой в момент встречи возникла мощнейшая симпатическая связь, основанная на сильнейшем вовлечении писательницы в восприятие мира Альрахана. Вероятно, это почувствовал и сам брат, потому пытался позвать Видящую в момент начавшихся преобразований. Ибо только она могла объяснить, что и почему происходит с альсором.

– Я бы написала, что он обретает силу демона-отца, дарованную ему по праву крови, спавшую по воле матери и пробудившуюся, когда альсор вышел из-под власти ее магического дара, войдя в сферу иного мира вместе с родичами, – как в трансе промолвила девушка и, очнувшись, замотала головой, сама приходя в недоумение от сказанного.

– И как долго он будет ее обретать, оставаясь в форме свернутого коврика? – с полуулыбкой спросил Искра – теперь ситуация его скорее забавляла и интриговала, нежели тревожила.

– Не зна... – начала было говорить Ника и тут же поправилась – раз уж фантазировать, то фантазировать, веселый кураж ударил в голову писательнице: – Очень скоро, только его надо в тепло, чтобы быстрее кокон раскрывается.

Девушка завертела головой, подпрыгнула и метнулась к пространству между окном и шкафом. Что-то загремело, Ника чихнула и вылезла из ниши, выволакивая за собой серый агрегат на колесиках. – Вот! Обогреватель!

Длинный шнур деятельная девица сунула в розетку и подкатила батарею почти вплотную к Пеплу, спеленатому серым нечто. Щелкнула тумблером, переводя прибор в двойной режим «вентилятор-обогреватель». Что-то внутри агрегата загудело, и струя горячего воздуха устремилась точно на бок серого свертка.

– Ты ей веришь? – одними губами спросил Лед, пытавшийся определить суть игры, затеянной братом, и начиная сомневаться, а идет ли игра или Искра и впрямь действует открыто.

Инзор ответил, прикрыв веки, что означало не просто «да», а такое доверие, какое Искра раньше выказывал разве что братьям и всего паре-тройке доверенных лиц. И Глеану успокоился.

Глава 6

Ужин и другие потрясения

Пока братья обменивались посланиями, под гул заработавшего прибора жалобно заурчал животик Вероники, напоминая беспечной хозяйке о ее обязанностях по поддержанию телесного здоровья.

– Есть пора, – виновато оправдалась бедняжка, особого голода не испытывающая, но не желающая и проблем с гастритом.

– У тебя все равно на кухне ничего съестного нет, – язвительно порадовал девушку Лед и тут же едва заметно покраснел, потому что его живот, соглашаясь с хозяином, выдал отнюдь не музыкальную трель.

– Так у нас пиццерия в соседнем доме, у меня карточка постоянного клиента со скидкой, я еду там большей частью беру. Неплохо! Себе-то что ни приготовишь, все равно на вкус не лучше картона, – пожала плечами Ника.

– Бездарь в кулинарии? – беззлобно поддразнил писательницу Инзор, бывший в курсе обыкновения местных жителей среднего достатка готовить пищу самостоятельно, вне зависимости от талантов в этой области.

– Нет, другим нравится, говорят, вкусно, но сама для себя не готовлю, в горло не лезет, – чуть виновато призналась девушка и предложила: – Давайте закажем ужин на всех, все равно ждать, чтобы ваш брат поправился.

– Я не люблю пиццу, – закапризничал гурман Глеану, презрительно выпятив нижнюю губу.

– Не любишь, не ешь, – улыбнулась Ника этому демаршу альсора, как проказе дорогого чада.

А мужчине почему-то стало неловко за свою выходку. Девушка слезила в ящик шкафа, достала подшивку меню «Чио-Рио-пиццы» и пояснила, передавая листочки с картинками и описаниями блюд альраханцам:

– Выбирайте, что хотите: у них первое, второе, салаты и сладкое, даже суши с роллами – все есть. Доставят минут через пятнадцать. И заказы еще ни разу не перепутали.

Братья зашуршали листочками меню, выбирая блюда по вкусу, Глеану делал упор на десерты, а Искра на блюда с курятиной. Когда Инзор перечислил девушке все, что следовало включить в заказ, та только прошептала себе под нос: «Ты же лопнешь, деточка», – и потянулась за трубкой телефона. Номер пиццерии был давно уже вбит на однокнопочный вызов с автодозвоном.

Ника назвала свой клиентский номер и сделала заказ. На том конце линии на несколько секунд зависли и задали вопрос. Ника прикрыла ладошкой трубку и с усмешкой уточнила:

– У нас спрашивают, какой презент присовокупить к заказу: пять литров колы или фирменную пиццу «Пять сыров».

– Пиццу! – моментально выпалил Глеану.

Ника завершила диктовку заказа и только после этого с лукавой усмешкой напомнила:

– Ты же говорил, что ее не любишь!

– Разумеется, я не люблю еду, я ее ем. Любви достойны лишь женщины, – элегантно выкрутился Глеану, переменивший мнение о пицце из «Рио» после созерцания вызывающих бурное слюноотделение фотографий и изучения состава блюд. Заказать ее не позволила гордость, но упустить второй шанс полакомиться вожделенным блюдом Лед не смог.

«Нелюбимую» пиццу и прочую заказанную еду принесли, как и обещала Ника, через пятнадцать минут. За все платил Инзор. С учетом того, какую мизерную долю общего

заказа составляли роллы и салат хозяйки квартиры, девушка сочла это вполне справедливым. В конце концов, она предоставила помещение для трапезы и заварила чай с мятой, который выпросил капризуля Глеану. Он отирался сначала у коробок с заваркой, а потом и у чайника, как кошок у валерианы. Когда девушка едва не облилась кипятком, то не выдержала и выпустила мстительную шпильку:

– Ученые говорят, мята снижает потенцию.

Золотоволосый красавец отшатнулся от чайника, глянул на него, как минер на бомбу, у которой перерезал не тот проводок, и, подозрительно прищурившись, потребовал ответа:

– Это неудачная шутка?

– Так, вспомнилось к слову из области общих научно-популярных знаний, – невинно обронила Ника.

– А у нас шиамена ценится как сильный стимулятор, – удивился Инзор. При этом Искра стремился не столько успокоить брата – настоящего фаната шиамены, сколько всерьез интересовался разницей в воздействии на организмы созданий двух разных миров.

– О как! – удивилась девушка, позабыв про свое намерение немножко потретьировать Глеану. – Значит, шиамена и мята одно и то же?

– Ты не знала? – в свою очередь удивился успокоенный касательно своего мужского здоровья альсор.

– Не-а, я, когда писала, выдумала красивое название, правда, мне казалось, что у травки будет схожий с мятой вкус, – призналась Ника, накрывая стол клетчатой скатертью и расставляя тарелки.

– А где вино? – выгнул бровь синеглазый аристократ. Слюну от запахов из коробок с едой он сглотнул, но садиться не спешил, взирая на девушку с легким возмущением.

– Вино в баре, – отрезала Ника. – А есть значительный повод выставить его на стол?

– Но... – растерялся Лед перед столь вопиющим непониманием комплектности трапезы.

– Ты алкоголик? Ни одного приема пищи без спиртного? – с сочувственной ехидцей, самым соболезнующим тоном уточнила девушка, прекрасно сведущая в обычаях альраханцев употреблять легкие спиртные напитки за трапезой, но как-то упустившая эту деталь, когда накрывала на стол. Открыто признавать оплошность было поздновато, потому, пока Глеану хватал ртом воздух от возмущения несправедливым обвинением, Ника мило посоветовала:

– Не переживай, сейчас это лечат и в гораздо более тяжелой стадии! Кодируют, лекарства колют или психотерапевтом-наркологом воздействуют.

– Можно я ее убью? – подчеркнуто вежливо спросил рассердившийся Лед у брата.

– Нельзя, Пепел огорчится, да и мне хотелось бы, чтобы Ника жила, – расстроил родственника Искра, с трудом сдерживая рвущийся наружу смешок. Уж больно потешно выглядел оскорбленный брат, которого раз за разом щелкала по самолюбивому носу молоденькая девчонка, вместо того чтобы растекаться лужицей под неземным светом синих очей.

– Я тоже огорчусь, у меня большие планы на ближайшие лет сто, – вставила девушка и вопреки спичу о вреде алкоголизма достала из бара красное полусладкое в пластиковой пол-литровой бутылке. И присовокупила хрустальные бокалы из серванта.

– А после ста? – заинтересовался деталями планирования Лед.

– Дальнейшие планы до согласования с вышестоящими структурами строить бесполезно, – хихикнула Ника, ничуть не печалась из-за отдаленной, пусть даже неизбежной перспективы.

– Жители Террона живут самое большее сто пятьдесят лет, – тихо сообщил брату Искра, присаживаясь за стол.

– О. – Синие глаза Глеану округлились, злость по отношению к нахалке сменилась чем-то близким к сочувствию. Убивать ту, которая и сама очень скоро отправится на встречу с Плетельщиками Судеб, как-то расхотелось. Все равно что мурашей на дороге давить: малявка тяпнет, конечно, больно, так ведь и растоптать ее труда не стоит. Скользнув взглядом по бутылке, альсор задумчиво заметил: – Странное стекло.

– Потому что не стекло, а пластик, – наставительно объяснила девушка, с усилием пытаясь открутить присохшую пробку.

Глеану забрал у Ники бутылку, легко отвернул пробку и поводил носом на некотором расстоянии у горлышка.

– Неплохой аромат, но зачем наливать благородный напиток в столь неприятную тару? Она пованивает!

– Вино той же марки в стекле стоит в три раза дороже, да и везти его из отпуска в сумке на своем горбу тяжело. Я же не Арни Шварценеггер. Разница в весе и цене нивелирует запах пластика. Постоит немного в бокале, отдышится, так и вовсе никакого постороннего привкуса не ощущается, – пожала плечами Ника. – Впрочем, кому не нравится, тот может не мучиться и пить чай или минералку.

– Пожалуй, я отважусь, – заискрились весельем золотые глаза Инзора.

– Не могу же я позволить брату рисковать в одиночестве, – притворно вздохнул Лед и первый бокал налил себе. Доверху!

– Я же говорила, алкоголик, – одними губами скорбно шепнула насмешница, принимаясь за еду.

Искра все-таки не выдержал и расхохотался. Под обиженное шипение Льда, смех Искры и хихиканье девушки с мягким шелестом пришли в движение и распахнулись укрывавшие Пепла серые ленты. Тот, не открывая глаз, с хрустом потянулся. Развернулись полностью широкие цельные и в то же время будто составленные из подвижных частей серостальные крылья, чуть заметно колышущиеся от потоков теплого воздуха. Сонный зевок явил зрителям набор великолепных клыков «Зависть тигра». Почивающий альсор сменил позу, подставляя под теплый ветерок из обогревателя другой бок, и продолжил дремать. Облик Эльсора, претерпев существенные изменения, похоже, сохранил прежние параметры вроде веса и объема, во всяком случае, одежда мужчины не пострадала. Даже чудо-крылья, проросшие из спины и вполне материальные, умудрились не прорвать рубашки и пиджака, проходя сквозь ткань, словно через воздух. Или, может, они обладали способностью варьировать свои ТТХ, подстраиваясь под нужды владельца.

Братья, привставшие было из-за стола с намерением потормозить просыпающегося родственника и получше разглядеть постигшие его изменения, разочарованно опустили обратно на стулья. По молчаливому уговору альраханцы решили дать Эльсору возможность проснуться самостоятельно.

– Может, поставить ему под нос тарелку с едой? – задумчиво внесла предложение Ника. – На Барсика всегда действует.

– А кто такой Барсик? – заинтересованно склонил голову набок Глеану.

– Кот мамин. Жуткий засоня, но как запахнет свежей печенкой, то мигом с места подпрыгивает и орет благим матом, отступного требует, – хихикнула девушка.

– По-твоему, Эльсор похож на кота? – рыкнул Лед, и его сходство с рассерженным крупногабаритным представителем уса-тых-полоса-тых было настолько сильным, что девушка прыснула в ладошку и закусила нижнюю губу, чтобы сдержать веселье.

Потом подчеркнуто внимательно изучила Пепла и констатировала:

– Похож! Хвоста нет, и крылья лишние – мутация, наверное, – зато есть клыки, когти, и вообще он пушистый, хоть и короткошерстный.

Искра снова засмеялся, Лед оглядел сговорившихся негодников, скривился, сделал несколько больших глотков вина и потянулся за пиццей, сам скрывая улыбку. Уж больно заразительно хихикала черноволосая зараза-писательница и пахла так, что всерьез сердиться на нее не было никакой возможности.

По-настоящему за Пепла братья не волновались. Если и был во Вселенной другой более расчетливый демон, который выйдет из жерла вулкана свежим, как родник, стряхнув с одежды лишь толику пепла, то альраханцы такого не знали. На памяти Глеану, кроме моровки любимец удачи Эльсор получил физическую травму лишь однажды. Он сломал руку в жестокой переделке на границе и на братскую подколку: «Ты чего, увернуться не мог?» ответил: «Мог, но тогда погиб бы Искра». Даже за жизнь родича Пепел умудрился заплатить по маленькой. Так с чего он должен порастрагаться, обретая силу отца-демона? Ну и пусть такого в Альрахане раньше не бывало, теперь с легкой руки Эльсора будет!

Между тем Инзор действительно положил на свободную тарелку понемногу от каждого из заказанных в «Рио» разносолов, тех, которые могли бы прийти брату по вкусу, и поставил посуду в нескольких сантиметрах от носа спящего. Попытка не пытка. Соня дернул носом в ответ на провокацию едой и шумно сглотнул. Но открыть глаза даже не подумал.

С сознанием исполненного долга перед мутирующим человеком-котом альраханцы принялись за трапезу. Ника как обычно скорее пила, в основном минералку без газа, чем ела. С удовольствием смакуя каждый кусочек, отправляемый в рот, девушка все-таки больше любовалась сотрапезниками.

Запросто общаться с теми, кого знаешь до мозга костей, потому что считала, что сама придумала, было непривычно, странно, жутко интересно и в то же время совсем несложно. Они были *своими*, а над такими не только не грех посмеяться, но и можно очень многое простить, и их совершенно невозможно бояться, какими бы угрозами они ни сыпали и как бы зловеще ни сверкали красивыми глазами. Кажется, в их присутствии Ника была сыта одним искрящимся чудесами воздухом.

После салатов, пиццы и прочей пищи из разряда основательной наступил черед десерта. К сладкому капризуля Глеану затребовал кофе с ванилью. Да еще и непрозрачно намекнул, что видел именно этот сорт в кухонном шкафу Ники.

Умиротворенная волшебным ужином девушка согласилась с очередным заскоком альсора, даже не стала злиться на его бесцеремонность. Намолола в кофемолке зерен и поставила турку на плиту. Чиркнула спичкой, но зажечь конфорку не успела. Из гостиной раздалась череда громких и очень странных похрустывающих звуков. Не ели же там гости пиццу вместе с коробкой и пластиковой посудой, присовокупленной к заказу? Ника бросилась назад и замерла в дверях испуганным сусликом.

Странный треск стих. На ковре, декорированном в стиле пэчворк когтями Эльсора, возвышалось гигантское нечто золотисто-молочного цвета и эллипсоидной формы. Инзор в прострации сидел за опустевшим столом, подперев кулаком щеку, а вот второй альсор нигде не просматривался.

– Что это за памятник местного значения и где Глеану? – брякнула Ника.

– Вот, – односложно ответил на оба вопроса Искра, сраженный эпическим преобразованием второго брата, и ткнул пальцем в «яйцо».

– Э-э-э... Не въехала? – часто заморгала девушка.

– Если ты думаешь, что я понимаю больше... – хмыкнул альсор. Плечи его передернулись в красноречивом жесте растерянности. Искра взлохматил колоритную шевелюру и сделал пошаговую раскадровку действий Глеану: – Он встал из-за стола, посидел рядом с Пеплом, вернулся обратно, зачем-то понюхал спинку твоего стула, и началось. Вокруг возникла золотая сфера, как будто мыльный пузырь надули. Сначала полупрозрачная, потом она стала твердеть, становясь такой, а Лед словно заснул, стоя внутри.

Ника подошла к гигантскому яйцу ближе, потрогала пальцами, щелкнула ногтем по гладкой поверхности. Раздался тихий звон. И на звук, и на ошупь неизвестный материал напоминал прогретое стекло.

– Да-а-а, – протянула девушка, подергав себя за прядь, выбившуюся из хвоста. – Дела-а. Бабочку, хм, экзотическую из кокона получили. А из яичка кто вылезет: птенчик, ящерка или змейка?

– Зная Глеану, я бы поставил на змейку, – хохотнул Искра и осекся, прищулив золотые глаза. – Ты ведь знаешь, кто его отец? – уточнил альсор у сочинительницы, которая неким inferнальным путем умудрилась заполучить полную базу данных по Альрахану.

Ника охотно кивнула и с таинственной улыбкой поплыла на кухню.

– Ты куда?

– Кофе варить. Буду твоего братца на запах выманывать, раз уж он так равнодушен к ароматам, – пожалала плечами девушка.

Оставшийся не у дел Искра потопал следом, рассчитывая выудить у Ники подробности о родословной Глеану. Происходящее все больше напоминало альсору комедию положений. Оставалось только надеяться, что Владычица тоже захочет посмеяться над нею, а не сошлет сгоряча дерзких сыновей, осмелившихся пойти против ее воли, куда-нибудь в глухую провинцию. Все-таки не в добрый час Судьба распорядилась открыть глаза Видящей на Альрахан. Случайные столкновения Видящей с обывателями созерцаемого мира оканчивались по-разному: их могли возвести в ранг пророков и почитать до конца дней, испрашивая мудрых советов, но куда чаще финал был не столь радужен. Те, кто слишком много знал, находили последний приют в сырой земле, водных глубинах или жарком пламени, заодно с хранимыми тайнами. «Нет человека – нет проблемы», этого правила придерживались многие власть имущие.

Да что греха таить, Владычица и ее почтительные дети сами поступали в соответствии с этим простеньким правилом. Однако к Видящей сие правило применить было невозможно, потому что в Альрахане почитали заветы Творца и его служителей.

Более того, сейчас Инзор не только понимал умом, что Видящую нельзя обижать, он еще и испытывал глубокое внутреннее сопротивление, стоило лишь мелькнуть мысли о возможном применении насилия. Как успел подметить альсор, нечто подобное происходило и с двумя его братьями. Им воистину нравилась забавная девушка Ника, нравилась настолько, что ее жизнь хотелось хранить, ее саму баловать, смеяться ее шуткам и шутить вместе с ней, просто быть рядом. Но Владычица... Да, Гириана соблюдала законы, однако вспыльчивый нрав прекрасной повелительницы Альрахана мог стать непредсказуемым фактором...

Противный запах, как в унданских шахтах, Искра почувствовал первым. Ника, все еще пребывая в легкой задумчивости, топталась у плиты и чиркала никак не желавшей загораться спичкой о коробок. Все компоненты маленького пазла «запах – плита – спички – девушка» встали на место под набатный звон тревоги. Инзор метнулся вперед, схватил глупышку за руку и дернул, оттаскивая от плиты, закрывая собой. Почти в точности копируя действия брата, только что падать на пол не стал. Сзади с хлопком вспыхнул успевший просочиться на кухню газ, обдавая спину Искры блаженным теплом. Казалось, кто-то ласковой большой ладонью погладил мужчину изнутри. Удовольствие стало таким мощным, что Инзор закричал от восторга. Альсору чудилось, будто все тело его распадается на тысячи мельчайших пламенеющих углей, чтобы в тот же миг собраться и вспыхнуть ярчайшим костром.

Ника широко распахнула глаза в состоянии крайнего обалдения. Очередном за клонящийся к закату день. Девушка созерцала бушующее на кухне пламя, еще несколько секунд назад бывшее широкоплечим мужчиной с обаятельной улыбкой.

Нет, общий антропоморфный вид и даже сходство с Инзором огонь сохранял. Кардинально изменилась только консистенция, составляющая суть альраханца.

«Оказывается, не только вода имеет три состояния: жидкое, твердое и газообразное, альсор Искра тоже обладает парочкой: номер один – мужчина из плоти и крови, номер два – бушующий костер», – подумала Ника и посмотрела на пол.

Она закономерно ожидала печального зрелища тлеющего линолеума. Но нет, ни на (одежда, обувь, волосы), ни под Инзором огненнобуйствующим ничего не горело, не тлело и даже не дымило. Горелым тоже не пахло.

«Иллюзия?» – призадумалась девушка, пытаясь определить, чувствует ли она жар пламени или дуновение тепла, доносящееся до нее, призрачно и есть результат самовнушения.

На ум пришла идея простенького физического эксперимента. Отступив к раковине, Ника набрала кружку воды и плеснула в направлении Инзора. Раздалось очень характерное шипение. Уж его-то девушка, не раз и не два тушившая на даче угли в мангале, помнила отлично. А когда звук стих, на кухне снова стоял обычный, ну, может, и не совсем обычный, все-таки симпатичнее многих, совершенно сухой мужчина. В каштановой шевелюре продолжали проскакивать искры.

Альсор повернул вентиль на плите и сердито спросил:

– Почему ты оставила поток газа?

– Я не оставляла, – растерянно возразила Ника. – Когда турку на плите бросала и в гостиную бежала, ничего включено не было. Я даже за вентиль не бралась. Ума не приложу, как он сам собой повернулся. Не иначе полтергейст разбушевался, контуженный впечатлениями от ваших фокусов!

– Сам собой? Ну-ну. Значит, духи пошутили? – мрачно усмехнулся Инзор.

Не то чтобы он не поверил словам девушки. Скорее, не взял на веру ее память действий. Альсор предположил, что Ника, перегруженная эмоциональными впечатлениями дня, неосознанно проделала все манипуляции с плитой. А потом бросилась в комнату, не обратив внимания на уже открытый вентиль.

– Спасибо большое, что спас, меня загородил. А что с тобой-то случилось? Такая огненная феерия! – Восторг в голосе Видящей был неподдельным. Вид огненного создания на маленькой кухне поразил воображение девушки даже больше, чем метаморфозы Пепла и Льда.

– Может быть, тоже запела кровь? – с задумчивой усмешкой выдвинул версию Искра.

Как и двое его братьев, имени отца он не ведал. Делиться властью Владычица, подобно длинной череде своих предков, не любила и не собиралась давать в руки потенциальных противников знание о родословной потомков. Так что альсорам оставалось только гадать о своей родословной, ибо талантом Видящей они не обладали. Именно поэтому Инзор намеревался выжать из Ники Соколовой всю возможную информацию. В конце концов, добывать сведения было талантом Искры, он чувствовал, как воздействовать на того, из кого планировал выжать данные. Когда пригрозить, когда попросить, когда отступить, что сказать каждому и что сделать так, чтобы ему поведали все и с превеликой охотой.

И вот сейчас тот, кто умело расставлял искусные силки самым прожженным плутам, спросил с совершенно нелепой прямоотой, ибо спрашивать Видящую иначе было оскорблением:

– Ты знаешь, кто мой отец?

– Маг-стихийник, его сутью был огонь, а родней огненные демоны. Потому так легко он укрощал пламя, – открыто ответила Ника и зажгла огонек конфорки под туркой.

– Где же мама ухитрилась встретить такое сокровище? – почти риторически спросил Инзор и вновь получил ответ.

Писательница отвечала легко, как будто шутя, возможно, какой-то частью сознания она до сих пор считала все происходящее волшебной игрой, сновидением, которое кончится с рассветом, возвращая фантазерку на твердую почву Террона.

– На карнавале в столице, в честь Весеннего Цветения. Ана любит тайком выходить в город и танцевать среди подданных под маской, никем не узнанная, раскованная, как никогда свободная от дворцовой суеты, необходимости соблюдать этикет. Только под маской она может позволить себе не быть всевластной Владычицей, – с полуулыбкой, так, будто рассказывала о лучшей подруге, поведала Ника, и не было в словах ее ни грама пошлости или издевки. – Твой отец был под маской жреца Пламени, а она выбрала образ Огненной Девы. Они бродили по улицам весь день, и последний из вечерних танцев на площади Трех Костров зажег в них неугасимое пламя, из которого родилась искра твоей жизни, Инзор.

– А Глеану? Тайна его рождения столь же интригующа? – продолжил расспросы альсор, захваченный откровениями, щедро даруемыми Видящей.

Ни золото, ни каменья, ни женские прелести не трогали душу златоглазого альраханца так, как знания. Особенно знания, прежде не ведомые никому иному в стране. Это будоражило кровь сильнее вина!

Ника пожала плечами, открыла рот, собираясь ответить, и подпрыгнула на месте. Громкий треск и странное шипение, более всего схожее с тем, что издавал проколотый шаловливой сестренкой громадный мяч для гимнастики, донеслось из комнаты. Не сговариваясь, девушка и альсор рванули к эпицентру звуков. Первой двигало любопытство с примесью опаски, второй спешил туда, где оставались почти беззащитными оба его брата.

Обстановка в уютной квартирке писательницы Соколовой нынче больше подошла бы к любому из ее сказочных романов. Наверху, почти касаясь макушкой натяжного потолка, парил Эльсор, расправив странные, плещущиеся темным серебром по ветру крылья. Черные когти выросли сантиметров на семь, готовые располосовать потенциальную угрозу, точно так же готовы были загрызть вытянувшиеся клыки. Серые волосы стояли дыбом. Серебристые очи сверкали. Внизу раскачивалось из стороны в сторону то самое золотистое яйцо, в недрах коего исчез недавно Глеану.

Именно оно трещало и шипело. В сравнении с этой бьющей по ушам какофонией звуков свежепробужденный Пепел вел себя почти тихо. Лишь крылья его шелестели так, словно неумолчно шептали о секретах мироздания.

Пока Искра и Ника, притормозив на пороге, оглядывались, на верхушке яйца появилась вмятина, пошла трещинами, и наконец изрядный кусок «скорлупы» рухнул на ковер, мгновенно рассыпавшись золотой пылью. Трещины зазмеились по всей поверхности сферы, в коей был заключен альсор. От треска на миг заложило уши. Вспыхнул золотой свет, а когда угас, на месте яйца осталась лишь россыпь мельчайших золотых крупинок и Глеану. Вернее, Ника могла лишь предположить, что это – тот, кого она знала под именем Льда. Потому что на альсора Альрахана он был не то чтобы не похож... Просто у того Глеану, который пришел за девушкой сегодня в архив, было две ноги и вполне цивилизованный стильный костюм, а у этого хвост, и... и янтарная узорчатая чешуя, и вертикальные зрачки в сапфировом, без белка, сиянии глаз. А еще альсор, кажется, подросток на треть и раздался в плечах.

Впрочем, куда больший шок от всего происходящего испытал сам свежевылупившийся змееныш. Глеану уставился в зеркало на стене и громко зашипел, вцепившись пальцами с золотыми коготками в светлый водопад волос. На лице, пусть и измененном, отразилась чистейшая, как самогон тройной выгонки, паника. Именно это выражение ужаса дало пинка мыслительной деятельности писательницы Соколовой.

– Какой ты красивый! – громко сказала Ника, чтобы выбить альсора из шокового состояния.

И ведь выбила на свою шею. Лед резко развернулся, взметнулся сильный чешуйчатый хвост, плавно потекло тело, и вот уже Глеану навис над девушкой, вцепившись ей в плечи пальцами и вопя:

– Красивый? Красивый? Издеваешься!!! Да я же чудовище!!! Что со мной?!!

В воздухе потянулась нить медного со сладковатым привкусом запаха. Кровь! Шумно вздохнул Пепел, его странные крылья взметнулись. Часть их распалась на длинные ленты, укутывая брата, пеленая его, бьющегося в панике, и оттащили от Ники. На плечах бедной девушки намокал от крови изодранный синий пиджак. Золотые коготки Глеану, даже сквозь плотную ткань, умудрились нанести глубокие царапины. А сам альсор бился в путах, пытаясь довершить начатое.

– Успокойся, брат, ты ее убьешь! – рявкнул Искра, заслоня собой жертву паники. – Ника! Ты – Видящая! Объясни, что происходит! Ты можешь! Давай же! – потребовал мужчину, открывая братьям тайну.

Не так он хотел поведать об этом, но иначе словам писательницы не было бы веры.

Вероника морщилась от боли, но не бежала. Если уж никто из альраханцев не знал, что происходит, значит, ей нужно остаться и рассказать. А ранки и потом замазать чем-нибудь из аптечки можно. Ника заговорила как могла спокойно:

– Ты стал Золотым Полозом, королем змей, как твой отец, изгнанник из родного мира, проигравший поединок и укrywшийся под крылом Альрахана от магии поиска родни.

– Что-то не видел я таких, как Лед, у нас на улицах, – задумчиво отметил парящий Пепел. Чуть помолчал и прибавил: – Да и таких, как я, тоже не встречал.

– Все в вашей воле, – попыталась пожать плечами Ника и тут же страдальчески скриivilась от тянущей боли вкупе со жжением в порезах. – Ана – королева тысячи кровей, и все пребывают в равновесии благодаря магии. Вы такие же по сути. В мирах, свободных от власти Альрахана и почти свободных от власти магии, в вас, срезонировав, проявилась кровь отцов, но кровь матери не даст ей возобладать. Достаточно лишь знать, кем вы хотите быть! Хотите и будьте!

– Тогда я хочу снова две ноги! Хочу прежний облик! Не желаю ползать! – возмущенно возопил Лед, дернувшись в живых путах брата. Тот решил, что родич, поглощенный собственными проблемами, более не опасен для Ники, и ослабил плетение крыльев, удерживающее Глеану от неосторожных поступков.

Воздух вокруг потомка полозов вспыхнул золотом, негодующий альсор воздел освобожденные руки, собираясь продолжить сеанс бурного возмущения, шагнул вперед и, не удержавшись на вновь обретенных ногах, плюхнулся на ковер. Золотая чешуя, могучие жгуты чудовищных мускулов, когти и синее марево в глазах исчезли без следа, зато вернулись изящное телосложение и стильный костюм.

Пепел задумчиво прикусил губу, альсор-полудемон мягко спланировал на ковер и потянулся, молчаливым усилием воли приказывая исчезнуть лишним частям тела вроде клыков, когтей и крыльев. Жемчужный свет на миг окутал мужчину, и он вновь обрел форму, идентичную хомо сапиенс, без излишеств-атавизмов. Почему-то в ответ на золотое и серое свечение братьев полыхнул алым и Инзор.

Ника часто-часто заморгала, будто у нее заслезились глаза, судорожно вздохнула и мешком повалилась на ковер.

Глава 7

Граница

Искра и Пепел синхронно рванули к девушке, помочь, поддержать, уложить поудобнее. Руки прошли сквозь тело писательницы, как через пустоту, не встретив ни малейшего сопротивления. Глеану испустил свистящий, словно все еще оставался полозом, звук и тихо констатировал:

– Что-то случилось.

Оглядываясь вокруг, альсор приблизился к Нике и тоже попытался дотронуться. Его пальцы легко прошли сквозь казавшееся материальным тело.

– Искра? – попытался спросить у брата Пепел.

Его брови сошлись на переносице. Эльсор чрезвычайно не любил чего-то не понимать. И совсем уж выбивало его из колеи сознание того, что в настоящий момент он не понимает ровным счетом ничего и не видит пути, коим надлежит следовать к пониманию.

– Комната изменилась, девушка тоже, – обратил внимание родственников на происходящее Лед.

Теперь уже вокруг огляделись все, да и к Нике присмотрелись особо пристально. Глеану не солгал. Крови на рукавах и порезов от коготков полоза на плечах девушки не наблюдалось, исчезла вся серебристо-золотая пыль, дыры на ковре и подпалины на шторе, так же как и посуда с остатками пищи со стола и выдвинутый обогреватель. Словом, все выглядело так, будто альраханцы никогда не переступали порога квартиры Вероники Соколовой.

Самый сведущий в магических техниках и преданиях, Инзор лишь потряс головой и вцепился в волосы пальцами, пытаясь перевести чувствуемое в словесную форму. А потом просто сказал:

– Нас выкинуло.

– Почему? – подбросил самый важный вопрос Пепел.

– Сработала естественная защита мира, я читал о таком, – хмуро предположил Искра. – Наши действия слишком сильно меняли мир или угрожали его балансу. Террон, похоже, не слишком любит дерзких гостей. Нас вышибло за его пределы. Видеть можем, но войти или воздействовать на материальные предметы, явления и живые создания не способны.

– Бред какой-то, – в замешательстве признал Лед, а Пепел присвистнул, принимая слова брата как ответ, и ответ верный.

Теперь информации стало достаточно, чтобы сероглазый альсор продолжил:

– Не бред, Глеану, отнюдь. Похоже, Террону не понравилось то, что мы слишком близко подобрались к Видящей. Так, Искра?

– В цель, брат, – энергично кивнул вопрошаемый. – В таких мирах люди, подобные Нике, если и живут, то не ведают о своей сути и предназначении. Мы вмешались, ломая устои, Террон начал действовать. Сначала простейшим образом: попытка избавиться от живой помехи, ему принадлежащей. Рухнувшее в одночасье дерево, взрыв газа на кухне, нападение взбешенного Льда, который никогда на моей памяти не калечил женщин. Когда провалилась третья попытка, мир сделал усилие, используя высвобожденную силу чуждой магии, и выкинул нас вон.

В доказательство своих слов Искра прошел сквозь дверь как призрак и вернулся в комнату через стену. Глеану потер виски, поморгал. Дурман наведенного бешенства отступил, сменившись замешательством и неловкостью. Ведь альсору понравилась Ника, и то, как он себя повел в ее отношении, было ничем не оправданной жестокостью. Ему случалось уби-

вать женщин в силу необходимости, но бить, издеваться над ними – никогда. Стыд захлестнул блондина. Румянец окрасил скулы, когда Лед спросил у братьев:

– Что нам делать?

Искра пожал плечами, переадресовывая вопрос штатному аналитику-интуиту. Эльсор потер переносицу и констатировал:

– В некоторой степени мы выполнили задание Владычицы, выявили источник опасной информации и даже отрезали путь к нему. Альраханцам более недоступны просторы Террона, но быть совершенно уверенными, что о Видящей не проведают и не смогут ее использовать наши противники, невозможно.

– Я не понимаю, Инзор, – тряхнул головой Глеану, уже не заботясь о прическе, ставшей набором узлов, почище любого плетения макраме. – Неужели Террон разумный мир?

– Нет, во всяком случае, в нашем понимании, измерения, подобные ему, разумными или даже условно разумными не считаются. Все происходящее не более чем инстинктивные действия. Так ты отдернешь руку от пламени, не желая обжечься, – прояснил ситуацию Искра.

– Тогда есть ли гарантия, что Террон не распахнет врата нашим недругам, случись им проведать о Видящей и вознамериться ее использовать против Альрахана? – обозначил ключевой вопрос Лед, машинально присаживаясь на стул. Ему хотелось все основательно обдумать. Альсор запутался в происходящем и совсем упустил из виду побочные эффекты выдворения с территории мира. Плоть проходила невозбранно не только сквозь стены и двери, а и сквозь мебель. Красавец сразу вспомнил об этом досадном факте, когда его седалище миновало сиденье стула и соприкоснулось с полом комнаты. И тут же задумчиво нахмурился:

– Кстати, а почему мы сквозь пол не проваливаемся?

– Потому что видимость пола наложена на плотный массив реальности, в которую нас выпихнул Террон, – поведал знаток тайн мироздания Искра.

– Я не вижу ничего другого, – намекнул Глеану.

– Нас выпихнули, но мы не желали уходить и до сих пор продолжаем цепляться за реальность покинутого мира, – усмехнулся Инзор, – вон, спроси лучше Пепла, что видит он.

– Два мира, – не дожидаясь заявленного вопроса, проронил сероглазый, подходя ближе к Нике и вглядываясь в ее черты. – Этот пол совпадает с лавовой пещерой в горах. Цвет знакомый, кажется, это Рандарские каверны на Фистораше.

– Поня-а-тно, – протянул Лед. Теперь, после подсказки, ему и самому начало мерещиться что-то вроде гладкой, с багряно-черными натеками поверхности.

Рандарские каверны – так звались предгорья, испещренные тоннелями различной формы, образовавшимися в результате выбросов магической лавы дремлющих вулканов Фистораша. В этих тоннелях, чьи стены были гладки и отличались цветовым разнообразием, можно было блуждать годами, если не случится столкнуться с кем-то из местных хищных обитателей. Как-то пару десятков лет назад Глеану и Пепел охотились здесь на фаргов. Мама, помнится, изрядно повеселилась, разглядывая брошенный к ее ногам клубок из когтей, клыков и шипов.

Изображение тоннеля, подсвеченного самой застывшей лавой, наплывало, наслаивалось, двоилось, вызывая раздражение и желание хорошенько проморгаться.

– Итак, братья, наше решение? – поставил вопрос ребром Лед.

Ответить ему не успели. На ковре заворочалась и что-то тихо простонала девушка. Пребывающие вне Террона окружили писательницу. Ника потерла рукой лоб, поморщилась и, распахнув глаза, села на ковре.

– Глеану? Эльсор? Инзор? – хрипловато позвала Видящая.

– Мы здесь, Ника, – ответил Пепел с грустной улыбкой, и, конечно, его не услышали.

Девушка встала, растерянно оглядела чистую комнату. Ни следа незваных гостей с Альрахана, располосованных штор и ковра, заказанного ужина из ресторанчика. Ника позвала еще раз, очень тихо, почти севшим голосом, и в ответ донесся только стук молотка деятельного соседа слева.

У домовитого Пал Палыча в квартире никогда не прекращался ремонт. Юная гражданка Соколова давно бы уже совершила убийство в состоянии аффекта, если бы ее спальня не граничила с квартирой тишайшей пенсионерки Буяновой, лежащейся спать сразу после восьми. Но сейчас Нике было плевать на бесконечный стук.

Бедная девушка метнулась к зеркалу, ощупала совершенно целый пиджак. Пошатываясь, добрела и рухнула на стул, тот самый, на который не удалось сесть Глеану, зашептала горько, отчаянно и тоскливо:

– Приснилось. Все приснилось, приснилось, приснилось. Сумасшедшая, сумасшедшая...

Продолжая шептать, Ника уронила голову на руки и, раскачиваясь из стороны в сторону, отчаянно зарыдала.

Трое стояли рядом и смотрели, смотрели... Рот Глеану кривился, а руки сжимались в кулаки. Инзор глубоко вздохнул. Пепел не сказал больше ни слова, только все больше мрачнел. Братья редко видели обыкновенно невозмутимого альсора таким. Он даже убивал спокойно, без злости или ярости. А сейчас – Лед мог бы поклясться, что ему не послышалось, – Пепел скрипнул зубами.

– Я хочу забрать ее в Альрахан, – сказал Глеану, рука его поднялась, словно альсор желал погладить девушку по голове, и упала. Не получится!

– Даже если мы сможем, что скажет Владычица? Ана ясно высказала свои желания относительно особы, написавшей хроники. Никто смерти по приговору не отменял. Да, закон хранит Видящих, но приглашать Нику в наш мир опасно, – тревожно заметил Инзор и похлопал брата по плечу. – Владычица может начать действовать прежде, чем мы сумеем все объяснить.

– Прежде чем искать выход и способ, нам надлежит уговорить мать, – скрестил руки на груди и озвучил свое решение Пепел. Он говорил таким тоном, чтобы родственникам стало ясно: он готов принять их помощь и поддержку, но и в случае отказа будет действовать самостоятельно, согласуясь с набросанным здесь и сейчас планом.

– Возвращаемся, – бросив последний взгляд на рыдающую по разбитым надеждам девушку, согласился Глеану. – Мы убедим Владычицу Гилиану!

Полным именем он, как и его братья, именовал мать только в том случае, если речь шла о действительно важных вещах. Пепел и Инзор подписались под этими словами парой синхронных кивков. На прощанье альсоры поклонились печальной девушке. Причем, не стогавриваясь, все трое выбрали поклон в три четверти, каковой отвечивали только тем, кого признавали равным другом или младшим членом семьи. В какую именно категорию записали Веронику Соколову, братья допытываться друг у друга не стали.

Перед ними стояла очень серьезная задача. Невыполнимой ее не назвал даже мысленно никто из альсоров лишь потому, что в бытовой философии альраханцев рассчитывать на успех означало обеспечить своему предприятию добрую половину успеха. Любое начинание, сопровождаемое сомнениями, заранее обречено на провал.

Трое, выпертые за грань Террона, окончательно перешли в черно-багровый с занятыми голубыми прожилками коридор Рандарских каверн. Переглянулись. Глеану, как старший, вытащил из-за пазухи невзрачный тускло-серый камушек на цепочке – аварийный портал, – отстегнул его и с силой бросил на пол. Камешек разлетелся тучей стеклянных, совершенно прозрачных искр, в которых дробились огоньки магических отсветов каверн.

Возникло овальное окно высотой в рост вызывающего альсора. По краям оно пылало голубым огнем. Значит, все благополучно. Портал получился устойчивый. Будь иначе, оттенок его склонялся бы к красному цвету спектра. Впрочем, альсорам, возвращавшимся домой в критических ситуациях, доводилось пользоваться и такими. Ничего, оставались живы, а тошнота и кратковременное расстройство желудка – невеликая плата за целостность организма и оперативность его доставки в нужную точку.

Один за другим братья прошли в голубое пламя, и оно опало, не оставляя следов на гладком полу причудливого в своей естественности коридора.

Зал приема, находящийся в так называемом Посольском корпусе, и Торговые врата в гостинном дворе были своего рода вокзалами для основной массы прибывающих в Альрахан при помощи магии. Пользоваться порталами могли далеко не все, хотя установленный перечень, вывешенный на стенах громадных помещений, был велик.

Но в порталный зал Владычицы доступ был открыт лишь для особо привилегированных альраханцев. Как раз сейчас альсоры пожалели о своей избранности. Ана, получившая известие об открытии личного портала, уже восседала на троне Владычицы и взирала на явившихся сыновей. Туфелька с высоким остреньким каблучком отбивала нетерпеливую дробь. Такой внешне изящной обувью удобно было бы отдавить ногу досадившему собеседнику или вовсе скинуть с ноги да зарядить в лоб. Как было ведомо сыновьям, Ане такая выходка по плечу!

Пока Владычица сохраняла позу величественного терпения. Но только пока. Туфелька была явным намеком и почти угрозой: ПОТОРАПЛИВАЙТЕСЬ!

– Ну? – Тонкая бровь изогнулась, вопрос подхлестнул замешкавшихся мужчин. – Вы устранили проблему?

– Да, мама.

– Нет, мама.

– Не совсем.

Три ответа Глеану, Инзора и Эльсору прозвучали на диво слаженно и ввергли Владычицу в откровенное недоумение.

– Какое единодушие, – съязвила Ана и высокомерно уточнила: – Так да, нет или не совсем?

Даже накотившая досада от замешательства отпрысков исчезла. На смену ей пришло откровенное любопытство, ибо Гилиана была любопытна, как всякая истинная женщина.

– Все сложно, – покачал головой Пепел.

Владычица вспорхнула с трона и сделала детям знак следовать за собой. Никто ослушаться не осмелился. Все было настолько запутанно, что троице мрачных мужчин совсем не хотелось навлекать на свои головы еще и ураган материнского гнева.

Ана привела альсоров в диванную комнату, опустилась в высокое кресло и нетерпеливо облизнула пухлые губки.

– Рассказывайте!

– Все сложно, мама, – вздохнул Эльсор. – Виновника в полном смысле слова нет, скорее, есть жертвы.

– Вероника Соколова – Видящая, – добавил Искра, а Глеану только скорбно вздохнул.

Убийство Видящей даже по воле и с благословения Владычицы Альрахана оставалось кошунством. Того, кто поднимал руку на Глаза Творца, рано или поздно, а обычно все-таки рано наказывала сама Судьба. Это понимала и Ана. Но скорбная истина не желала с ходу помещаться в сознании.

– Видящая? Писательница – Видящая? – Гилиана тряхнула черной копной, будто хотела выкинуть нелепые мысли из головы и реальности.

– Мы были удивлены, – согласился Эльсор. Он так и остался стоять у бюро, напротив матери. – Сильно. Ника до нашего появления на Терроне не подозревала о своем даре, полагая все мысли об Альрахане не более чем фантазией, потому спокойно оформляла их в виде рукописей. Оные вызвали интерес издателей и нашли читателей.

– Знай Вероника об истинной подоплеке своих видений и проблемах, которые это может доставить, она никогда не стала бы их распространять таким образом, – вставил Инзор, присаживаясь на диван неподалеку от кресла матери.

– Но теперь это не имеет значения, – горестно выдохнул Глеану, покусывая костяшки пальцев.

– Почему? Вы ее убили? – изумилась Ана, испытывая что-то вроде замешательства и неловкости. Ей вовсе не хотелось быть первопричиной смерти Видящей. И детей своих Владычица полагала в достаточной мере разумными, чтобы откорректировать первый приказ, отданный в порыве гнева, в соответствии с вновь открывшимися обстоятельствами.

– Мы не причинили ей вреда, – мимолетно улыбнулся Лед.

– Взбунтовалась сама реальность, и нас вышвырнуло с Террона, мир закрылся, – объяснил Инзор.

– Странно, я не слышала о возможных последствиях такого рода, – пробормотала себе под нос Ана.

– Террон мир, где магия отнюдь не всевластна, а наш визит, взаимодействие с Видящей и ее откровения спровоцировали пробуждение спящей крови отцов, – разъяснил Искра.

– Отцов? – Ана в недоумении прикусила губку, мучительно соображая, что и где пошло не так и в чем, собственно, проблема.

– Мама не знает, – первым догадался и нервно хихикнул Глеану.

– Что я не знаю? – немного занервничала Владычица.

– Демон, маг Стихийного Огня и Золотой Полоз – ты не мелочилась, выбирая наших отцов, матушка, – проронил Пепел. – Не то чтобы мы были в претензии, но...

– Они выглядели мужчинами, – чуть-чуть, самую-самую капельку виновато оправдалась Ана.

– Разумеется, ведь в Альрахане, по воле твоей, не властна магия изменения плоти, – хмыкнул сероглазый. Вид его был прежним, но видевшим второй облик альсора братьям показалось, что за спиной говорившего взметнулись и хлопнули крылья.

– В отличие от Террона, – вставил Инзор. – Над нами, гостями, он не обладал достаточной властью, чтобы удержат от изменений, но силы мира хватило на то, чтобы выкинуть нас прочь, когда изменения зашли слишком далеко.

И братья, по очереди беря слово, поведали матери о поисках Видящей, знакомстве с ней, беседах и откровениях, изменениях плоти, постигших альсоров, помощи девушки и ее теплом отношении к гостям, которых еще вчера она считала игрой воображения. Итог подвел Глеану:

– Мы стояли рядом, не в силах коснуться плачущей Видящей, оставшейся на Терроне, мама. Возможно, теперь Ника считает себя безумной.

– И виноваты в этом мы, – побарабанила пальчиками по подлокотнику Ана.

Давненько Владычица не чувствовала себя столь неловко. Слишком щекотливая создавалась ситуация. Доведение Видящей до безумия, равно как и гибель, могло ударить по виновникам весьма жестоко. Но даже если бы не было этих условий... Пожалуй, Ане было и любопытно, и одновременно жаль девушку. Владычица не просто полистала на досуге книгу, доставленную с Террона, а, вот стыдоба, прочитала ее от корки до корки. Почему-то раньше она никогда не рассматривала свою жизнь как подходящую для романа историю. А эта девочка... Ника превратила ее в увлекательное приключение. Раньше мысль о том, что все это сотворено со злым умыслом, помогала прогонять любопытство и желание познакомиться

с создательницей книги, но теперь досада ушла. Никто не топтался по ее прошлому, не рылся в белье, Видящая просто видела. А значит, пришло время дать сыновьям новое поручение.

– Девочку нужно доставить на Альрахан! Видящей не место вдали от нашего мира! – вынесла вердикт Ана.

– Как? Мы не можем войти на Террон. Нанять Охотника в мирах, чтобы попробовал он? – выгнул бровь Пепел.

Он и сам уже измучился перебором вариантов. Ни один не казался подходящим. А наем одного из тайного ордена для особых поручений не казался верным выбором. Видящая была слишком ценным призом, чтобы доверять его посторонним рукам. Если бы Пепел не был знаком с Никой, пожалуй, он бы рискнул взять на себя тяжесть кары и заказать смерть знающей слишком много лишнего писательницы. Но, увы, теперь он не мог хладнокровно отдать такой приказ. Гипотетическая правильность поступка перекрывалась реальными угрызениями совести, стоило сероглазому альсору вспомнить улыбку девушки, ее заразительный энтузиазм и радость от встречи. Он слишком многого не успел, не договорил, не сделал. Нет, мама права, Нику нужно привести в Альрахан. Но как? Пепел пока не видел решения задачи.

Быстрый взгляд на Инзора и Глеану зеркально отразил затруднения с поиском ответа у братьев.

– Нет, никаких Охотников, – поморщилась Ана и резко вскинула голову, осененная идеей. – Отправляйтесь в святилище Последней Надежды!

Глава 8

Святилище Последней Надежды

– Мм?... – Глеану, мало интересовавшийся таинственной и мистической стороной бытия, простирающейся вне альраханских владений, озадаченно моргнул. Раньше, кажется, мама не испытывала тяги ни к одной из религий.

– Возможно, это шанс, – согласился Инзор и нежно поцеловал Владычицу в щеку. – Спасибо за идею, матушка!

– Ступайте! Скорее уйдете, быстрее обернетесь! Я хочу видеть девушку в Альрахане! – Ана махнула рукой, мимолетно взъерошив волосы Искры. – А потом вы мне еще покажете свои облики! Надо же... полоз, демон... – Владычица по-девчоночьи хихикнула в ладошку.

Она выбирала сильных мужчин, но не рассчитывала на такие бонусы. Что ж, тем забавнее получилось. Насколько забавным сие кажется самим отпрыскам, Ана не слишком задумывалась. Ее дети достаточно сильны, чтобы принять собственную суть, тем более она не будет проявлена в Альрахане. А на маленькие шалости потомства за границами государства Владычица всегда охотно закрывала глаза. По себе знала, бурлящей в жилах крови нужно давать выход, чтобы не сгореть в собственном огне.

Трое с вежливыми поклонами покинули диванную комнату, но далеко от дверей не ушли. Лед и Пепел взяли Искру в клещи и в категоричной форме потребовали конкретизации вопроса: куда это их столь спешно послала любимая мама?

Инзор взъерошил волосы обеими руками, почесал в затылке и констатировал:

– Есть одно местечко у западных границ Альрахана. Оэле.

– Пустынный мир-призрак? – вздернул бровь Пепел, напоминая мимикой мать.

– Он самый, – кивнул Искра. – Я не был там лично, но читал.

– Опять читал. Иногда мне кажется, ты слишком много читаешь, – вздохнул Лед, отцепляя прядку волос, ухитрившуюся искусно обернуться вокруг пуговицы.

Обычно волосы у Глеану не путались. Впрочем, из любого правила есть исключения. Стоило альсору о чем-то глубоко задуматься или растеряться, как золотая грива мигом утрачивала всякое подобие порядка. Пряди начинали свиваться в столь немыслимые узлы, какие не увяжешь и нарочно. Вот как теперь. И распутывались упрямые с преогромным трудом. Не цени Лед свою внешность столь высоко: красота наследника Владычицы – достояние государства, – непременно в один из критических моментов обрезал бы волосы, вон хоть как у Пепла, до длины в ладонь. А так альсору оставалось только завязывать непокорную шевелюру в хвост и ждать. Стоило Глеану прийти в благодостное расположение духа, как замысловатые узлы распутывались сами по себе или от первого прикосновения гребня.

– Много читаю? Наверное, – согласился Инзор, – так у меня отдыхает душа. Согласись, способ небесполезный.

– Расскажешь, соглашусь, – сварливо пообещал Глеану.

– Святилище Последней Надежды находится на Оэле. Мир покинут, Эльсор прав. Нам неведомо, кто обитал там прежде. Никаких следов ушедших не сохранилось, кроме самого святилища. Это странное место, но, по-видимому, мама права, оно – единственный способ отыскать выход из тупика. – Искра свернул к порталному залу.

Устного распоряжения Владычицы было достаточно для того, чтобы нужный портал распахнулся перед тремя альсорами.

– Ничего не берем? – нахмурился Лед, замешкавшись у двустворчатых дверей.

– В святилище не приносят жертв в общепринятом смысле этого слова. На Оэле нельзя принести лишнего. И что именно будет сочтено таковым, сложно предугадать. Лучше

не брать ничего, если не хочешь расстаться с вещами. Они исчезнут безвозвратно. – Искра поделился с родственниками следующей порцией загадочной информации.

– Мы можем выйти из портала голыми, как в миг рождения? – хмыкнул Пепел.

Вероятно, он шутил (по лицу сероглазого альсора зачастую сложно было угадать ход мыслей), однако брат не счел слова шуткой и кивнул на полном серьезе:

– Не исключено.

– Надеюсь, там тепло, – фыркнул заинтригованный Лед.

– Когда как, – пожал плечами Искра и предложил, приближаясь к каменной арке портала: – Нам лучше взяться за руки.

Родичи последовали разумному совету, и альсор громко задал координаты:

– Оэле!

Вид сквозь каменную арку на другую сторону небольшого зала заволокло серым туманом.

– Пошли, – предложил Инзор и потянул братьев в туманное и совсем не соблазнительное далёко. Не сказать, чтобы после десяти – пятнадцати шагов что-то кардинально изменилось. Разве что при повороте головы назад взгляд не находил надежной кладки порталных врат. Серое марево теперь было всюду, и альсоры болтались в нем, как три клецки в супе, приправленном мукой отнюдь не первого сорта, судя по неопределенно-серому цвету.

– И что теперь? Где искать это святилище? – уточнил Лед, моргая в тщетной надежде углядеть хоть что-нибудь кроме тумана.

– Оно само нас найдет, – меланхолично ответил Инзор.

– Как оно выглядит, чтобы знать, что именно оно нашло нас, а не нечто другое? – практически справился Пепел.

– Никак, – пожал плечами Искра. – Святилище Последней Надежды есть, и в то же время его нет. Так написано в «Хрониках заблудших душ».

А в следующий момент руки братьев оказались разъяты, каким образом это произошло, не смог бы сказать ни один. Нет, они не размыкали их, сам мир вступил в игру, разводя фигуры по игровой доске для начала партии. Пешки начинали движение, всей душой стремясь в дамки. Всей ли? Именно это проверял Оэле, пусть до фигур, бывших заодно и игроками, еще не доходил смысл происходящего.

– Хочешь сказать, чтобы его найти, мы должны для начала хорошенько заблудиться? – рассеянно осведомился Глеану, откидывая со лба упрямо лезущие в глаза и нос волосы. И только после того, как никто не отозвался, сообразил, что ни дыхания братьев, ни шелеста одежды, ни голосов не слышать. Рука его не сжимала более руки Инзора, и под локоть не держал его Пепел. Лед буркнул себе под нос: – Похоже, условие выполнено. И что теперь?

Оказавшись один, альсор попробовал еще позвать братьев, но крик вяз в тумане так быстро, что тщетность воззваний была более чем очевидна. Стоять на месте не имело смысла, вот мужчина и шел. Неясные тени колебались в тумане не то миражами, не то отражением реальных предметов, близких или далеких – не разобрать. Альсор почесал нос, свербевающий от безвкусного и в то же время неуловимо раздражающего обоняние запаха-беззапаха, и зашагал быстрее.

Испугаться или встревожиться по-настоящему Глеану не успел, слишком занятой представлялась ему ситуация. Розыск в тумане несуществующего святилища походил на глупую детскую игру. А от того, что и звуков собственного присутствия он не чувствовал, все происходящее напоминало сон. Бояться снов Лед не привык. С задумчивой улыбкой на губах альсор зашагал наугад. Идти, так не все ли равно куда!

Золотоволосый красавец и в бесконечности тумана странного мира двигался непринужденно и изящно. Ноги в легких ботинках, даже поставленные наобум, оказывались на ровной поверхности.

Чуть прищурился Глеану, когда туманная серость проблеснула золотом. Невольно заинтригованный, он двинулся к цветному пятну, через несколько шагов – удивительно быстро, если задуматься, – разросшемся до небольшого шатра, расставленного на мягкой траве золотистого, как и ткань полотнищ, отлива.

Изнутри доносился небрежный перебор струн. Глеану шагнул ближе. Через приоткрытую шелковую занавесь виднелись три грациозные красавицы в воздушных одеяниях, не скрывающих прелести тел. Одна наигрывала на лютне, две изгибались в соблазнительных фигурах танца.

Странно, они разом обернули лица к альсору, но не испугались. Губы искушающе улыбнулись, руки, унизанные драгоценными браслетами, словно поманили: «Присоединяйся к нам, путник, отдохни на мягких подушках, послушай музыку, вкуси вина и прелести желанных тел».

Лед мотнул головой. Как ни любил он, записной дамский угодник, женский пол, но сейчас даже Глеану было очевидно: этот шатер вовсе не то, что он ищет. Альсор сделал шаг назад, и дивное видение, такое объемное и притягательное, тут же истаяло в туманах. Музыка, смех и звон украшений резко оборвались. Путник сделал еще один шаг назад и кубарем покатился вниз, в неизвестность, по совершенно не призрачным, жестким, истертым временем, искрошившимся ступенькам белого камня.

Лед никогда не жаловался на ловкость. Лоаны Альрахана не раз любовались грацией прекрасного сына Аны, но сейчас он падал самым неромантично-банальным образом и не мог остановиться. Никак! Проклятые ступеньки скользили, словно намазанные маслом. Лишь краем глаза, и не без смутного удовлетворения, Глеану отметил, как столь же глупым образом в каменную чашу катятся оба его брата. Падали они молча, без криков и ругани. Смысл вопить, если тут все равно нет никого, на кого можно взвалить вину за происходящее?

Искра сразу заметил отсутствие спутников, но не слишком встревожился. Альсор знал, сколь странные, даже жестокие фокусы может выкинуть Оэле. Именно из-за этого святыще Последней Надежды не пользовалось большой популярностью. Инзор любил загадки и ребусы, потому был почти рад оказаться здесь. Даже если это «здесь» пока ограничивалось глухими стенами тумана. Его серой бесконечностью. Не видно было ни зги. Чтобы хоть как-то помочь раздраженному отсутствием ориентиров сознанию, Искра вытянул вперед руку и пошел, размеренно выводя его полукруг. Глупость, конечно, зато на сердце стало почему-то поспокойнее.

Похвалить себя за предусмотрительность альсору пришлось, когда рука с налету махнула по жесткой кладке стены. Стены какого-то здания. Его очертания неохотно проступали сквозь отползающий ленивым спрутом туман. Искра дальше пошел, держась рукой за стену. Провал в ней – полуразрушенный дверной проем – вел внутрь. А там... О! Там стояли на грубах каменных полках, лежали грудой на плите-столе, были небрежно скинуты прямо на пол сотни книг. Даже на вид тома казались невыразимо древними, ветхими и безумно ценными.

Искра моргнул, помотал головой и, усмехнувшись, отшагнул от проема. Все предусмотрели, почти поймали. Если бы не знание о том, что в странном мире Оэле никогда не было письменности, альсор мог поддаться искушению, позабыть про цель, приведшую его сюда. Твердь под ногами внезапно утратила устойчивость, и нога соскользнула в пустоту.

Пепел шагал в туманной дымке, стелющейся под серым небом. Не слишком приветливый мир, ну да альсор видел и куда более неудобные. Какая разница, где и как идти, самое

главное – куда. Искра говорил о святилище Последней Надежды. А значит, туда-то и держал пусть Эльсор. Он знал цель своего путешествия, ничто не отвлекало путника от дороги. Серые плиты под ногами кончились внезапно. Нет, не кончились, взяли и обернулись ступенями. Пепел бы удержал равновесие, если бы сверху на него не свалился Инзор. А уж дальше в действие вступили законы физики. Клубок из двух тел покатился по ступеням.

Свободное падение троих почтивших святилище Последней Надежды визитом окончилось лишь в самом низу гигантской чаши из неизвестного белого камня. Инзор, Глеану и Эльсор в буквальном смысле столкнулись лбами и телами у странного... Пожалуй, это все-таки было гигантское растение с толстым и очень шипастым ярко-зеленым стволом, чьи острые колючки изодрали в клочья модную одежду альсоров и в кровь изранили руки, которыми мужчины прикрывали лица. Только чудом никто не выколол глаз и не получил травм серьезнее глубоких царапин.

– По крайней мере, мы снова встретились, – оптимистично отметил Пепел, прихватывая братьев за руки и помогая им встать на ноги, практически поднимая их.

Как внешне совсем не массивный мужчина проделал этот занимательный трюк, альсоры не задумывались. Привыкли. Вдобавок сейчас их внимание было привлечено к иному зрелищу. Шипастое коварное растение, умудрившееся измазаться в крови трех мужчин, зашелестело и зазвенело натянутой струной. Альсоры дружно запрокинули головы, машинально пытаясь нащупать руками перевязи с оружием. Поскольку таковых, после визита на Террон, не имелось, троица так и замерла с пустыми руками.

А над головами распускались диковинные цветы. В оранжереях, садах знатных лоан и лоанов, в свободных парках Альрахана чего только не было, не было лишь такого. Шипастый массивный ствол взлетал ввысь, а там, наверху, покачивались резные, изящные, как кружево, листья и цветы. Цветы, цветы, цветы. Полурастущие бутоны и расправившие все лепестки светло-сиреневые и лиловые цветы с необычной голубой сердцевинкой, источавшей не приторный и тяжелый, а свежий аромат. Такой нежный и легкий, что им хотелось дышать вечность и вечно любоваться этим необычным растением.

– Красиво, – прошептал Лед, жадно раздувая ноздри и мечтательно жмурясь.

– Если это святилище Последней Надежды, то я не вижу смысла, – досадливо прикусил губу Пепел. Он очень не любил тех загадок, которые оказывался не в силах разгадать.

– Ответ где-то здесь, – откликнулся Инзор. – Мы должны лишь понять.

– О, так все и без того ясно, – рассеянно отозвался кайфующий в облаках аромата Лед и обиженно взвыл, когда Пепел хватко сжал золотистый, только-только распутавшийся хвост в кулаке.

– Объясни, – ласково, в пику жесткому нажиму, предложил Эльсор.

– Это мзальна, на альраханский значение слова переводится как «сестра». Потому что цветы распускаются только на одном из четырех растений, растущих кучно, семьей. Одинокие не цветут никогда.

– Тогда почему расцвела эта? – уточнил Пепел, выпуская волосы брата их пальцев.

– Наша кровь измазала стебель, кровь троих. И она расцвела, – пожал плечами ничуть не обиженный Лед.

– Ты хочешь сказать, нам в качестве намека на ответ явлена аллегория? – пощипал ухо Пепел, оглядывая растение с цветами неимоверной красоты и зловещими длиннющими шипами.

Воистину, причудливым был мир святилища, и в первую голову альсор дивился тому, как удачно укололи всех троих иглы мзальны. Несколько царапин и только. На свою удачу мужчина полагался всегда, но в этот раз повезло и братьям.

– Совершенно точно, – вместо Льда ответил Искра с буквально пылающими расплавленным золотом глазами. – Если мы примем Видящую в род кровным ритуалом, ее связь с Терроном ослабнет! Или, по крайней мере, в Альрахан ее потянет с не меньшей силой, если... – Горячечный жар альсора притух, он запнулся.

– Если? – переспросил Лед, приглаживая волосы.

– Если она сама пожалеет о том, что мы ушли, и захочет попасть в Альрахан, – закончил Инзор, куснув губу.

– Девушка так оплакивала наш уход, – задумчиво протянул Пепел, размазывая по ладони почти свернувшуюся кровь из царапины, – полагаю, за ответным притяжением дело не станет.

– Значит, ритуал. Сообщим Владычице? – осведомился о планах троицы Глеану, главным образом потому, что теперь вроде бы стал ясен путь, но как выбраться из загадочного святилища, альсор не представлял.

От маленького пяточка, где покачивал листиками ответ-аллегория, вело наверх такое множество ступеней, что край их терялся в туманной дали. Стоило ли начинать восхождение, или посетители, нашедшие утраченную надежду, покидали святилище каким-нибудь иным образом? Желательно попроще. Снова отбивать бока о ступеньки совершенно не хотелось, равно как и блуждать в тумане.

Инзор, самый сведущий, тот, на кого Лед возлагал основную массу надежд, молча кивнул и сделал шаг, начиная подъем по лестнице в бесконечность. Пепел тихо выругался сквозь зубы и зашагал за братом след в след. Бедолага Глеану набрал в последний раз полную грудь чудесного аромата и протянул на прощанье руку погладить шелковистые лепестки удивительных цветов. Мэальна пошуршала листиками в ответ, позвенела цветами и уронила один в подставленную ладонь Льда. На память и в доказательство – как неожиданно понял альсор. Он отступил от растения, отвесил ему глубокий поклон и поспешил вслед за братьями. Цветок мужчина бережно, как величайшее из сокровищ, прижимал к груди. Ну и пусть опять придется бродить в сером мареве без ориентиров, плевать! Пусть хоть целая вечность! Аромат мэальны будет укрывать его ласковым пологом.

Аромат! Глеану чуть не споткнулся, осененный своевременным воспоминанием. Ника, чьи острые словечки покалывали самолюбие альсора! Запах юной писательницы удивительным образом напоминал благоухание чудесного цветка из святилища. И именно это показалось мужчине последним и самым верным доказательством правильности толкования произошедшего на Оэле.

Глеану улыбнулся, неудачно споткнулся и полетел носом вперед, натыкаясь на спину брата, оскользнувшегося на отнюдь не скользкой ступени. Из портала они вывалились кубарем все вместе. Каким-то чудом в образовавшейся куча-мале Лед ухитрился не помять ни единого лепестка прихваченного цветка. Чего, увы, нельзя было сказать о внешности. Утешало одно: Пепел и Искра выглядели не лучше.

Растрепанные шевелюры, пропылившиеся, порванные одежды, поцарапанные тела и в то же время удивительно довольные, какие-то почти умиротворенные выражения физиономий – такими вернулись альсоры с экскурсии в святилище Последней Надежды.

Переглянувшись, троица бросила взгляд на настенные часы – одно из немногих украшений порталного зала. Сколько они гуляли по Оэле, не ясно, но на Альрахане прошло символических три часа. По молчаливому уговору братья не стали отправляться для наведения маршета в личные покои. Пусть мама убедится, насколько усердно исполнялось и, главное, даже, пожалуй, в отношении Гиляны принципиальное, исполнилось ее повеление.

Королева только выглядела красоткой-сумасбродкой, на самом деле столь практично-циничного ума, как у родительницы, альсоры не встречали у большинства мужчин. А вкупе с красивой оболочкой и взнузданным авантюризмом сочетание выходило убойным.

За время отсутствия сыновей Ана завершила прием посетителей и сейчас работала с документами. Утруждать пальчики, наживая неэстетичные мозоли, Владычица не любила, потому писало вместо нее перо. Один из тех артефактов, которым дозволено было существовать в мире, к вящей пользе Гилианы. Роскошное белое золото, инкрустация бриллиантами и черненым серебром – вещь сама по себе, без магических свойств, уже была бесценным произведением искусства. Перо продолжало выводить четкие буквы с завитушками, а синие очи женщины просветили рентгеном троицу сыновей.

– Живописно смотрите, детки, – уголком рта улынулась Владычица, оценивая потрепанный вид отпрысков.

– Безгранично удовольствие наше от осознания того, что усладили мы взор твой, мама, – с непередаваемым выражением, каковое можно было толковать и как ироничную издевку, и как чистое веселье, признал Пепел и поклонился.

– Цветок мне? – сделав вид, будто не заметила выходки сына, мурлыкнула Ана. – Симпатичный!

– Цветок – знак из святилища, – объяснил Искра вместо Глеану, отследив, как плотнее сомкнулись пальцы брата на стебле и он шатнулся назад в невольном знаке протеста. Альсор не желал отдавать мзальну даже матери. – Он может понадобится нам в случае, если вы, Владычица, сочтете допустимым последовать указанию, дарованному святилищем Последней Надежды.

– Хм, рассказывайте! – Перо поставило точку и аккуратно опустилось в держатель пюпитра. Ана дала знак сыновьям присаживаться в кабинете. Это значило: Владычица настроена услышать рассказ во всех подробностях, достойных того, чтобы измять обивку дивана.

Лучше всего язык был подвешен у Глеану, недаром альсор слыл самым опасным сердцем Альрахана, однако историю похода в святилище поведал Инзор, как более знающий о самой сути предпринятой экспедиции. Лишь когда речь зашла о символике цветка, эстафету перехватил Лед. Когда последние слова затихли в тишине кабинета, Ана задумчиво протянула:

– Говорят, все наши желания рано или поздно, так или иначе, но непременно сбываются наилучшим для нас образом. Только не каждый способен отследить миг, когда мечта осуществляется, и не каждый способен признать избранный судьбой метод самым удачным. – Владычица сложила пальцы домиком и лукаво улынулась. – Да будет так, я даю соизволение! Отправляйтесь в храм! Всегда хотела дочку, а рождались вы, негодники, с отростком вместо дырочки!

– Слушаем и повинемся, мама, – коротко поклонился Пепел, разворачиваясь на каблуках.

Глава 9

Ритуал родства

Лед и Искра ушли молча, не зная, то ли им обидеться на выходку матери, то ли рассмеяться. Впрочем, казалось, Ане уже было все равно. Ручка снова взлетела в воздух, новый лист гербовой бумаги лег на рабочий стол перед Владычицей. Однако задержись кто-нибудь из альсоров на пороге и прислушайся, непременно уловил бы, как бормочет красавица себе под носик:

– Слушают они. В одно ухо залетело, в другое усвистело. А повиноваться вообще не способны, стервецы, лишь что им выгодно исполняют, а на иное с десятков отговорок изобретут.

– Вы же сами сказали, мама, желания сбываются наилучшим образом, – донесся из-за дверей вкрадчивый голос Пепла. – Вот мы и выбираем самые лучшие время, место и способ, а вы все сетуете...

Эльсор так горестно вздохнул, будто его, невинную «фиялку», обвинили в государственной измене и сию минуту поволокут на эшафот. Не сдержавшись, засмеялись Лед и Искра. Ана погрозила закрытой двери кулачком и тоже захихикала, потихоньку, чтобы сыновья не зазнавались.

С улыбками на губах трое альсоров проследовали на последний этаж замка, а там по крутой лестнице и на плоский участок крыши, огороженный тремя декоративными башнями так, что составлялся равносторонний треугольник, открытый если не всем ветрам, то небу и дождю.

Тем не менее на серо-голубых камнях храма было чисто. Имелись короткие каменные скамьи вдоль стены, а в центре возвышался большой черный камень неправильной формы. По легенде, это и был первый из камней, принесенный первым из династии Владык Альрахана на место, назначенное для постройки замка. Почему каменюку не уложили в фундамент, а заныкали про запас и потом заволокли на крышу – было для альсоров загадкой. Не раз им случалось зубоскалить по этому поводу, перемывая косточки достойному предку. Вот, кстати, кости первого из династии, в отличие от камня, в фундамент были вмурованы. Ясное дело, после кончины достойного Владыки. Живым он бы точно не дался, и того, кто пожелал бы эдакого, ждала почетная участь стать заменой!

Словом, как-то раз подвыпивший Инзор, возвратившийся из затяжной торгово-посольской поездки, выдвинул самую логичную из пестрого вороха версий: негабарит. То есть камень, раздобытый предком, был забракован архитекторами как негабарит, а чтоб их за возражения Владыке не отправили на эшафот, они спешно изобрели почетный способ использования раритета в качестве алтаря родового храма. С тех пор и повелось.

Именно на алтарный камень неопознанной конфигурации была водружена родовая чаша. Тому, кто умудрился ее разместить почти параллельно плоскости пола, тоже следовало бы поставить персональный памятник.

Чаша была артефактом, чьей силе Владычица позволяла проявляться в Альрахане. Или, точно утверждать никто бы не взялся, могущество чаши имело тот же источник, что и власть Владычицы, и потому власти над ней у правителей не было.

Между собой альсоры рассуждали о загадке чаши так же, как и камне-алтаре, но только между собой. Иным, непосвященным, не принадлежащим к семье Владычицы, сам вход в храм был закрыт и в переносном, и в прямом смысле слова. Чужак не смог бы подняться на крышу, вернее, поднимающийся – Пепел как-то раз провел несколько следственных экспериментов – оказывался на соседней крыше, где ничего, кроме красивого флюгера и чере-

пицы, не имелось. Подопытные кролики, разумеется, так ничего не поняли, потому живые объекты эксперимента Эльсор устранять не стал. Не любил лишней жестокости. В мирах и без того ее хватало.

В храме на крыше, в отличие от прочего Альрахана, всегда было ясно. Днем без пощады било в глаза ослепительное солнце, заливая камни расплавленным золотом, ночью искристый звездный покров не скрывали тучи и облака. Вот и сейчас закатное солнце полоскало крышу, а плиты замкового двора столь же усердно полоскал ливень.

Если бы родовый храм был хоть чуть более уютным и менее пафосным местом, пожалуй, с троицы сыновей Аны стало бы бегать сюда загорать. Однако даже в отрочестве такое не приходило в буйные головы альсоров.

Сейчас они, торжественно печатая шаг, проследовали от входа на крышу до алтаря и закатали рукава. Глеану, как старший, положил руку на камень рядом с чашей и практически сразу ощутил леденящий холод костяной рукояти длинного ножа.

Лезвие тоже было из кости. О происхождении его в семье ходили легенды: оружие сделали то ли из не замурованной в фундамент частицы первого предка, то ли из великого демонического монстра, коего предок прикончил к вящей славе рода. Никогда не тупящееся, остротой превосходящее добрую сталь и появляющееся на алтаре лишь по зову одного из рода Владычицы, оружие было великолепно, вне зависимости от его этиологии.

Лед провел кончиком клинка по ладони и передал его Пеплу. Альсор повторил действия брата, настала очередь Инзора. Тот тоже не стал мешкать. Костяной клинок был так остер, что, лишь когда Искра закончил порез на ладони, кровь тонкой красной линией украсила кожу Льда.

Последний из братьев, завершив ритуальное членовредительство, не глядя опустил ритуальный клинок на алтарь. Смотри не смотри, им ни разу не удавалось увидеть, как и куда исчезало призванное оружие. Может, просто рассеивалось в воздухе, как и внимание альсоров.

Три руки взметнулись над алтарем и переплелись. В чашу заструилась кровь мужчин. Обычная тускло-серая, больше всего похожая на невзрачный ночной горшок без ручки емкость преобразилась с падением первой же капли живительной влаги. Она начала наливать светом, подобным прохладному сиянию луны. По стенкам чаши заструились письмена и узоры, завораживающие, приковывающие взор и абсолютно нечитаемые. Каждый, кто смотрел на них, в этот миг чувствовал, что понимает их смысл и значение во всей полноте. Но стоило свету угаснуть, а узорам истаять, как и великое знание об их сокровенной сути испарялось из памяти, будто вода с раскаленного песка пустыни.

– Я принимаю Веронику из рода Соколовых мира Террон в род Гиалов сестрою! – в унисон прозвучали голоса трех альсоров.

В тот же миг случилось кое-что незапланированное: из-за уха Льда сорвался заложенный за ухо цветок мзальны. Он рухнул точно в чашу и погрузился в бурлящее содержимое. Почему-то жидкости всегда было куда больше, чем жертвовали те, кто вставал у алтарного камня. Возможно, предполагал Инзор, при проведении ритуала в чаше появлялась кровь тех из рода Владык, кто соизволил откликнуться на ритуальный зов. Трое мужчин застыли, не представляя, какотреагирует чаша на добавление в нее чего-то еще кроме крови. Вдруг рванет, да так, что никому пронесшему инородные предметы в священное место мало не покажется?

Лед зажмурил один глаз и успел горько пожалеть, что не оставил сокровище из мира Оэле вне храма. Пепел наблюдал за происходящим с самым расслабленным видом. В собственной реакции и способности увернуться от магического выброса он был абсолютно уверен. Альсор доверял чутью и считал, что все происходящее закономерно и правильно. Искра следил за творящимся с восхищенным вниманием ученого, нежданно приглашенного

на редкий эксперимент. Он давно уже гадал, что случится, если в чашу добавить что-нибудь кроме крови. Лишь трезвое опасение остаться неоцененным в творческом порыве удерживало Инзора от интригующего эксперимента.

Ручка у мамы, при всем внешнем изяществе и хрупкости, была на редкость тяжелой и подзатыльники отвешивала метко. С полгода назад гоняла Ана сына по танцевальному залу и долбила по макушке веером, да еще успевала давать пинки за то, что альсор разыграл девушку из посольства, нацелившуюся на титул его альсораны.

Все бы ничего, но розыгрыш вышел неожиданно масштабным, потому как в момент исторического признания лоана Роксалдина ухитрилась использовать дозволенный к ношению амулет громкой речи, испрошенный у Владычицы из-за горькой жалобы на охрипшее горлышко, не совсем по прямому назначению.

– Вы очаровательны, лоана! – во всеуслышание (речь на балконе транслировалась в зал, как через рупор) заявил Искра. – Будь я иным, не искал бы прекрасней девы, с которой готов соединить тропы жизни, сердца и судьбы! Увы, я изгой среди любящих и любимых, ибо навеки душа моя отдана жаркому пламени безнадежной страсти к лоану Шейхору.

В общем и целом Инзору повезло лишь в одном: старый, хромо́й и кривой на один глаз вояка Шейхор был вдобавок и тугоух, но так скор на расправу, что передать ему подробности шуток не решился ни один придворный. Сплетни сплетнями, а свой хребет дороже! На вынужденное молчание записных трепачей Искра и рассчитывал, когда затевал розыгрыш.

Словом, лоана, введенная в заблуждение изящным обращением Искры, обхаживающего посольство, и рассчитывающая на немедленную официальную помолвку, осталась несолоно хлебавши. Но мама! О! Мама была в ярости! А Лед, подлюка, еще и нотацию братцу прочел, чтобы тот в не свое дело не лез, раз не умеет удерживать дамочек на хрупкой грани романтических сомнений. Вот после этого шоу Инзору и дали благословение на избранную по сердцу и уму партию. Пусть уж лучше имеет официальную альсорану, во избежание повторных розыгрышей.

Итак, цветок нырнул в ритуальную чашу, скрылся целиком и пробыл в кровавой гуще несколько томительно долгих секунд. Потом кровь закипела с утроенной силой и мзальна показалась на поверхности. Только прежде насыщенно-лилового оттенка цветок приобрел нежный серо-голубой цвет, почти в точности повторяющий колер драгоценного минерала, которым был отделан пол храма.

Цветок – совершенно целый (не помялся ни один лепесток) – взмыл над чашей и завис сантиметрах в пятидесяти от поверхности, медленно поворачиваясь вокруг своей оси. Лед невольно отметил, что запах, в отличие от окраски, остался прежним благоуханным – свежим и нежным, как мечта.

Три руки, вновь блюдя удивительную синхронность, простерлись к мзальне. Она оказалась меж трех ладоней разом. Кровь в чаше взбурлила последний раз, поднявшись столбом, окутывая ладони удивительно приятным, в пику яростному кипению, теплом. На несколько мгновений сама форма чаши изменилась, принимая вид, идентичный цветку. Струясь по обводам священного сосуда, ярко запылали узоры и символы. Спустя три удара сердца бунтующая влага опала. Чаша вновь была невзрачно-серым сосудом, на дне которого не осталось ни капли крови.

– У нас получилось? – с несвойственной ему робостью спросил Лед мнения братьев, бережно заправляя мзальну за ухо.

– Если это не очередное знамение-аллегория, то я уж не знаю, чего тебе надобно для доказательства, – хмыкнул Пепел. – Официального письма на гербовой бумаге?

– Получилось, – высказался Искра, опуская руку. На право обладания цветком он не претендовал.

– Отправляемся на Террон? – выгнул бровь Эльсор.

– Я так не могу, Пепел, мы похожи на нищих оборванцев. Будь я Никой, ни за что не решился бы следовать за такими подозрительными типами в неизвестность! – возмутился Глеану.

– Она пойдет за любыми, если поймет, что зовем мы, и сможет пересечь границу мира, – самоуверенно высказался сероглазый брат, однако признал некоторую логичность доводов старшего: – Но ты прав, будет лучше нам привести себя в порядок и перекусить. Неизвестно сколько сил придется потратить.

– Ритуал всегда забирает изрядно, – проронил Искра, в последний раз бросил взгляд на невзрачную чашу и отвернулся.

Трое покинули храм вместе, как и пришли. Дверь закрылась за ними бесшумно, для непосвященных сливаясь со стеной и оставаясь едва заметным контуром для тех, в чьих венах текла кровь Гиалов. Говорят, именно так лет триста назад Владыка Нерман уличил супругу в том, что она прижила ублюдка. Мальчик, которому полагалось предстать перед алтарем предков, просто не увидел двери. В итоге на Альрахане появилась новая альсорана Нермана, подарившая бдительному супругу трех законных отпрысков. У Владык вообще частенько рождалось по три наследника. Вероятно, магия крови заботилась о том, чтобы род не прервался.

Глава 10

Призраки из-за грани

Через час, когда густые сумерки спустились на замок, трое альсоров собрались в порталном зале. Матушку беспокоить не стали, и без того ее инструкции звучали предельно ясно: «Найти и доставить Видящую!» А пока поручение исполнено не было, отчитываться о промежуточных результатах не стоило.

Настроение Аны – величина переменчивая. Она могла тепло напутствовать отпрысков, благословляя на новые подвиги, а могла и дать пинка для скорости да жестко связвить. Дескать, некоторые до сих пор за мамину юбку цепляются и шаг самостоятельно сделать не в силах.

Насущной необходимости в личном присутствии Владычицы не было. Ее высказанной нынче воли и намерения альсоров хватило, чтобы порталные ворота заполыхали голубым в знак готовности. Мужчины предельно сосредоточились на предполагаемом пункте назначения. Им требовалась не стационарная база на Терроне, куда, пока путь не блокировался, попасть из Альрахана не составляло ни малейшего труда, а дом писательницы Соколовой. То самое место, откуда их выкинуло защитным инстинктом мира.

На всякий случай взявшись за руки, чтоб не раскидало при переходе, если возникнет какая-нибудь накладка, альсоры шагнули в живописное голубое пламя, не жгущее жаром и не язвящее холодом.

Что же, хорошего и скверного оказалось примерно поровну. В доме писательницы Соколовой они оказаться все-таки смогли, но граница Террона по-прежнему оставалась для мужчин физически непроницаемой. Прямым и очень убедительным доказательством сего факта стал сам характер точек переноса: Глеану из портала наполовину вошел в стенку, Инзор в стул без малейшего ущерба для собственного тела. Один Пепел, везунчик, оказался ровнехонько в центре комнаты.

Значит, альсоры опять очутились на стыке миров. Оставалось лишь надеяться на то, что проведенный в храме ритуал дал возможность альраханцам достучаться до Видящей. Чтобы начать проверять обоснованность надежд, прежде всего стоило найти саму Веронику. Рыданий в квартире слышно не было, свет ни в одной из комнат не горел. На Терроне, как и на Альрахане, стояла глухая ночь. В такую пору уважающая себя девушка должна спать, а не уважающая заниматься чем-то иным, совершенно отличным от плача и сопровождаемым другими звуками.

Логичное предположение относительно времяпрепровождения порядочной девушки себя оправдало! Ника нашлась на кровати в спальне. Она лежала на боку, подгребя под себя и обняв подушку, на лице даже при слабом свете фонарей за окном отчетливо просматривались следы затяжных рыданий. Да и на подушке не успели просохнуть влажные отпечатки. Скорее всего, Ника рыдала в кровати до тех пор, пока не уснула.

– Бедняжка, – нежно улыбнулся Глеану. Тонкие пальцы альсора коснулись щеки девушки, погладили бережно и ласково. – Мы тебя так расстроили.

– Ты ее трогаешь, – отметил напрягшийся, как учуявший добычу зверь, Пепел.

– Да всего лишь погладил по щеке, – вяло возмутился Лед, кайфуя от ощущения шелковистой кожи под пальцами и тонкого аромата Видящей, переплетающегося с запахом мзальны в волосах. – В этом нет ничего предосудительного! Не будь ханжой, Эльсор!

– Он не о том, – намекнул Инзор брату и тоже дотронулся до девушки, его рука скользнула по растрепанным черным волосам спящей.

– Вот-вот, – хмыкнул Пепел. – Ритуал прошел успешно! Мы можем не только видеть, но и ощущать ее. Вопрос в том, увидит ли и почувствует нас Ника.

– Давайте разбудим и проверим! – возбужденно предложил Глеану.

– Утром, пусть поспит, – возразил Эльсор.

Он задумчиво хмурил серые брови, наблюдая за тем, как тянет братьев к Видящей. Вряд ли они сами отдавали отчет в этом странном притяжении, возникшей чуть ли не с первой встречи потребности видеть, трогать, говорить с Вероникой. Пепел не мог определить причин, по которым появилась эта зависимость, не чувствовал от нее вреда и в то же время сдерживался. Его потребность встать рядом с братьями у ложа Видящей, чем дольше он стоял и смотрел, ощущалась как почти болезненная. В конце концов, так и не определившись с возможной степенью вреда, Эльсор разрешил себе действовать наобум. Он приблизился к кровати девушки, опустился на одно колено и прижался губами к маленьким пальчикам, вцепившимся в подушку аккуратными ноготками, потерся щекой о руку и прикрыл глаза. Это было настолько хорошо, что становилось почти страшно. Но только почти. Веселое, бурлящее пузырьками желание шагнуть в бездну, отдавшись инстинктам и наплевав на все доводы рассудка, все сильнее охватывало мужчину.

Ника завожилась, выпуская подушку из цепкой хватки, ее ручка скользнула по голове не успевшего или, что верней, не пожелавшего отодвинуться Эльсора. Пальцы зарылись в недлинные и мягкие, как пепел, волосы мужчины, Ника пробормотала что-то совсем неразборчивое, легкая улыбка легла на губы девушки, а из тела как будто ушло накопленное напряжение.

– Увидит ли – не ясно, но чувствует – очевидно, – чуть ревниво отметил Лед.

Почему-то ему не слишком нравилось, как именно трогает Ника Пепла. И вообще, девушкам куда приятнее трогать такие волосы, как у него, Глеану, длинные и струящиеся золотыми волнами. Ну почему он сам не додумался сесть у кровати так, как ловкий брат? Вечно Эльсору везет!

– Самое главное, чтобы услышала, в противном случае объяснить наши цели будет непросто, – посетовал Инзор, машинально присаживаясь на кровать справа от Видящей. Лед насупился и опустился по левую сторону, правда, садиться пришлось в ногах, чтобы не плюхнуться прямо на голову Пеплу.

– Наши тела материальны для Ники и рядом с ней материальны для Террона, – отметил Эльсор. – В крайнем случае, попробуем сыграть на этом.

Лед и Искра, запоздало осознавшие вещественную плотность реальности, ответили брату согласным ворчаньем. На некоторое время в спальне воцарилась тишина...

Два раза в неделю Вероника вставала по будильнику в половине шестого, чтобы выложить на своей страничке продолжение очередного романа, а заодно ответить на комментарии читателей. В остальные дни юная писательница Соколова с удовольствием валялась аж до семи часов, потягиваясь и сладко зевая. Пожалуй, стоило придумать редкие ранние пробуждения только для того, чтобы сполна прочувствовать каждую дополнительную минутку дремы.

Утро вторника было как раз из таких, с вожаденно долгим сном. Но началось оно престранно. Ника просыпалась с четким ощущением: в спальне она не одна. Мало того, не одна в кровати! Насколько не одна, что чье-то крепкое, явно мужское тело прижималось к ней сзади, ногу отчаянно придавила некая заброшенная поверху конечность, а руки крепко обвивались вокруг. Причем явно не две руки, больше. Вдобавок сама Ника сопела в чью-то шею, а пальцы правой руки зарылись в чужие длинные волосы. Свои на ощупь она все-таки знала.

Совсем запутавшаяся в тактильных ощущениях, сопровождаемых звуками ровного дыхания спящих, девушка распахнула глаза. И тихо, но очень горестно простонала:

– Все-таки рехнулась!

Если верить глазам, в спальне Ника была одна-одинешенька, вот только тактильные ощущения кричали об обратном. И не только они! Приглядевшись, бедная писательница узрела странные неровности на одеяле. Такие, будто на нем кто-то валялся, да и валяется сейчас. Матрас тоже неоднозначно прогнулся в нескольких местах. И при этом Ника не видела никого!

– Точно сбрендил, – хлюпнув носом, поставила себе диагноз несчастная писательница и попыталась сесть.

Не тут-то было. Собственный бред не желал выпускать ее из объятий. Незримые руки только сильнее сжались вокруг тела.

– Крутые приходы, – горько усмехнулась девушка, крепко зажмурилась, помотала головой, прогоняя бредовые ощущения, и снова попыталась встать.

Белая горячка уходить не желала. Она еще и уточнила прямо на ушко, бархатным шепотом Эльсора:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.